

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ШАГ ВЛЕВО, ШАГ ВПРАВО

Александр Громов

Шаг влево, шаг вправо

«ЭКСМО»

1999

Громов А. Н.

Шаг влево, шаг вправо / А. Н. Громов — «Эксмо», 1999

Странная эпидемия необъяснимых глобальных катастроф и пугающих феноменов накрыла Землю. Судя по всему, причиной их стал Монстр – проявляющий признаки чуждого человечеству интеллекта астероид, неведомо откуда появившийся в Солнечной системе. Человеческой цивилизации грозит крах, и последняя ее надежда – капитан российской службы Национальной Безопасности Алексей Рыльский, способный стать козырем в борьбе с холодным и беспощадным Монстром.

© Громов А. Н., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

ПРОЛОГ	6
ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ	6
ДМИТРИЙ КАСПИЙЦЕВ	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	41
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Громов

Шаг влево, шаг вправо

Настоящее обременено прошлым и чреватое будущим.
Лейбниц

По-видимому, еще долго не утихнут споры: следует ли считать ЭТО живым? Или даже так: следовало ли? Ибо, к счастью, глагол этот можно теперь употребить и в форме прошедшего времени.

Кое-кого огорчает это обстоятельство. Меня – нисколько. В данном вопросе я из большинства. Можете брезгливо назвать меня заскорузлым обывателем, мне все равно. К тому, чем завершился самый странный, беспокойный, бестолковый и нервный год моей жизни, лично я отношусь с глубоким удовлетворением, и точка.

Нет, мы не победили. Вряд ли мы могли бы победить ЭТО, не превратив изрядную часть земной поверхности в зараженную пустыню, – причем без особой гарантии успеха. Нам просто повезло, я так считаю. Нам часто везло на протяжении нашей истории, мы привыкли к везению.

Вряд ли можно победить, если нет войны.

Как всегда, большинство людей не сделали никаких выводов. Более того: постарались забыть. Теперь даже шутить над ЭТИМ стало не модно, и анекдоты, некогда очень многочисленные, исчезли из эфира, электронных сетей и с газетных полос. Откровенно говоря, среди них не было ни одного удачного, во всяком случае на мой вкус.

И вот по части этого-то стремления поскорее забыть я расхожусь с большинством, потому что знаю твердо: однажды мы проиграем. Как? когда? почему? – пусть над этим думают головы поумнее моей. С меня довольно и Основного Постулата.

В популярном изложении он очень прост: **ОДНАЖДЫ НАМ ОЧЕНЬ КРУПНО НЕ ПОВЕЗЕТ.**

Говорят, теперь измышлены теоретические модели, позволяющие обойти Основной Постулат и объяснить появление ЭТОГО чем-то иным. Я не очень-то им верю, может быть, только потому, что моя профессия не терпит легковых и самоуспокоенных. Но скорее всего по другой причине, связанной, если хотите, с категориями совести и иными столь же трудно-уловимыми понятиями. Я говорю о вере.

Вера – она бывает и в худшее. В отличие от надежды. Но вот в чем странность: вера в худшее и надежда вполне уживаются друг с другом и могут спокойно сосуществовать во мне бок о бок.

Поскольку я жив – я надеюсь. А поскольку надеюсь – жив.

Я только недавно это понял.

ПРОЛОГ

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

Весь день сыпал мелкий дождик, истребляя последние остатки ноздреватых сугробов по северную сторону дома, сочился каплями с мокрого шифера крыши в жестяной желоб и тощей струйкой верещал в железной бочке, подставленной под водосток. Но к ночи распогодилось. Циклон, поверив прогнозу, отполз на восток. И сразу же резко похолодало, как бывает только в начале апреля; лужицы схватились тонким ледком, мокрые черные ветви яблонь закаменели под хрусткой коркой, колючая проволока, натянутая поверх дощатого забора, заиграла блестящими в свете уличного фонаря. Федор Федорович проснулся от писка будильника, подошел к окну, с одобрением взглянул на ясное звездное небо, с неодобрением – на фонарь и решил, что проснулся не зря, а сделав такое умозаключение, заторопился. По сегодняшним условиям наблюдений проснуться следовало еще час назад.

Он выключил калорифер, надел на себя теплое шерстяное белье, а поверх него пуховку и такие же пуховые штаны, сунул ноги в валенки с галошами и водрузил на начавшую лысеть голову вязаную шапочку с помпоном. Посетив дачный туалет ведренной системы, он вернулся в дом, подхватил со стола на веранде термос и коробочку с окулярами, снова вышел на хрусткий ледок и направился к беседке. Та имела довольно странную для непосвященных конструкцию: ее крытая рубероидом крыша могла свободно откатываться в сторону на роликах по уголкового направляющим. Оставалось небо над головой да четыре столба, убрать которые без разрушения беседки не было никакой возможности, и поэтому Федор Федорович с ними мирился.

Из всех видов хобби занятие любительской астрономией – один из самых некомфортных. Федор Федорович зябко поежился, когда пробравшаяся за воротник холодная струйка воздуха достигла тела, и плотнее застегнул пуховку. Сердечко покалывало сильнее обычного, и он подумал о том, что сегодня надо было, пожалуй, залить в термос не кофе, а какао. Но это потом, это успеется...

Три-четыре часа сна перед наблюдениями. И после наблюдений те же три-четыре часа сна, если только с утра не надо ехать на службу. Иначе – меньше. Так примерно каждый третий день, вернее, ночь. В течение тридцати лет. Две трети ночей в году не пригодны для наблюдений по причине непогоды, беспокойства атмосферы, светлого фона неба в период летнего солнцестояния или просто потому, что дела не отпускают на дачу. А случается, примчишься, поверив прогнозу о безоблачности, и зря. Такой режим сна-бодрствования не нравится организму. И редко какой жене он понравится. Федор Федорович был разведен, жена ушла от него давным-давно, поставив перед выбором: или я, или твой вонючий телескоп, понятно?

Возможно, Федор Федорович, в те годы еще молодой и любивший жену, по глупости сделал бы неправильный выбор, не употреби жена обидный эпитет «вонючий» по отношению к честному и неплохо себя зарекомендовавшему инструменту. Жена ушла, как ее и не было. Ушла и забылась.

Отключив хитроумную самодельную сигнализацию, стерегущую святая святых от воров и вандалов, Федор Федорович снял с телескопа клеенчатый чехол и установил короткофокусный окуляр. Найдя искателем несколько ярких звезд, он достал из ящичка, притороченного к основанию монтировки его «Альтаира», толстую тетрадь, служившую дневником наблюдений, и, подышав на пальцы, при свете карманного фонарика в графе «Погодные условия» записал: «Ясно; ветер слабый», а в графе «Астроклимат по Пиккерингу» сделал пометки: «8 в зените» и «5 вблизи горизонта».

За сосновым леском, далеко слышная в ночной тишине, простучала последняя электричка, пискливо свистнула возле станции. Дачный поселок спал. По-прежнему горел фонарь на столбе, но в целях экономии должен был погаснуть, как всегда, около половины первого, потому что за полночь нормальным людям полагается спать, а нормальным наблюдателям лишний свет только мешает. Ночь была безлунная и благоприятствовала наблюдениям.

Не благоприятствовал им дом, закрывавший собой значительную часть неба (однако где же прикажете спать?), мешали обзору и коттеджи соседей (неизбежное зло), а также забор с колючей проволокой (ну куда же деваться без забора?) и ветви яблонь, особенно вон той, сорта пепин литовский, нахально тянущейся к небу, словно какой-нибудь вздорный березовый хлыст в густолесье, а не порядочное плодовое дерево. Ничего не поделаешь, пора либо спилить лишние ветви, либо надстраивать беседку. Проще, конечно, спилить.

Пока не погас фонарь, Федор Федорович развлекался наблюдениями двойных звезд в созвездиях Льва и Волопаса, после чего отыскал в клонящихся к закату Близнецах уходящую прочь от Солнца комету Миясакавы и визуально оценил ее блеск, отметив некоторую разницу с прогнозируемым. Затем, включив часовой привод, сделал в главном фокусе «Альтаира» два снимка красивой многохвостой спирали М63 в Гончих Псах с выдержками в 25 и 40 минут, о чем оставил подробную запись в дневнике наблюдений, а во время 40-минутной выдержки успел не только сбегать погреться, но даже приготовить, попить и залить в термос какао, а кофе вылить на остаток сугроба. И наконец, установив самый длиннофокусный окуляр, приступил к тому, чем безуспешно занимался всю свою биографию любителя: к поиску комет. До главного астрономического события этой ночи – покрытия диском Ганимеда слабой звездочки в созвездии Козерога оставалось еще почти три часа.

В поиске комет нет ничего особенно сложного. Трудно не искать, а найти. Максимально расширив поле зрения инструмента, наблюдатель «обшаривает» небо в одном ему известном направлении, фиксируя давно известные ему наперечет туманные пятнышки, являющиеся либо галактическими облаками газа, либо далекими галактиками, и надеясь когда-нибудь обнаружить слабое незаконное пятнышко, не значащееся ни в каких каталогах туманностей. Почти наверняка это едва заметное, без всяких признаков хвоста пятнышко и окажется кометой, впрочем, чаще всего тоже давно известной, открытой в прошлом веке, а то и в позапрошлом.

Все дело в этом «почти». Даже имея в своем распоряжении вовсе не светосильный 150-миллиметровый «Альтаир», любитель может рассчитывать на улыбку случая. Не сегодня, так завтра. Через год. Через десять лет. Через тридцать. И тогда, если любитель сумеет первым передать сообщение о своем открытии, комета получит его, любителя, имя. Комета Иванова, например. Федора Федоровича Иванова. Разве плохо? Звучит несколько не хуже, чем, скажем, комета Кирнса – Кви. Пусть даже комета Иванова – Петрюка – Сидоровича, если безвестные Петрюк и Сидорович сообщат об открытии примерно в то же время. Втуне мечтая о приобретении более подходящего инструмента-кометоискателя, Федор Федорович не терял надежды. В конце концов, повезло же знаменитому Бредфилду открыть одну из своих комет в простой бинокль!

Сегодня чуда опять не произошло. Не мелькнуло в поле зрения неизвестное пятнышко, не сжалось сердце в предчувствии удачи, не заколотилось бешено от восторга. Федор Федорович вздохнул, сменил окуляр, нацелил трубу телескопа на юго-восток и снова включил часовой привод. Медленно приближалась заря. Юпитер уже взошел, висел низко над горизонтом и при максимальном увеличении непотребно кривлялся, выдавая беспокойствие атмосферы. Поморщившись, Федор Федорович уменьшил увеличение с 315 до 190 крат.

Теперь Юпитер выглядел относительно четко. Федор Федорович насчитал пять полос на диске и легко разглядел знаменитое Красное Пятно. По сплюснутому блину планеты темным круглым пятнышком катилась тень Ио – первого и ближайшего из галилеевых спутников.

Европы не было видно. Каллисто находилась справа от диска, более яркий Ганимед – слева. Тусклая звездочка девятой звездной величины висела рядом с крошечным диском спутника, не подозревая о том, что вот-вот подвергнется затмению.

Еще было время выпить глоток какао и как следует подышать на пальцы в нитяных перчатках. Судя по карманному электронному хронометру Федора Федоровича, выставленному по всемирному времени с точностью в одну секунду, до начала события оставалось почти семь минут.

Когда осталось три минуты, Федор Федорович преник глазом к окуляру и положил палец на кнопку хронометра, намереваясь как можно точнее зафиксировать начало и конец покрытия звезды. Опубликованный в астрономическом журнале прогноз сулил семнадцатисекундную продолжительность явления для пятьдесят пятой северной широты.

И тут сердце Федора Федоровича пропустило такт. Звезда исчезла! Погасла, скрылась, хотя близко подобранный диск Ганимеда еще и не думал наезжать на нее своим краем!

Спохватившись, Федор Федорович нажал на кнопку хронометра и почти тотчас же, вздрогнув, нажал снова – тусклая звездочка загорелась вновь.

Скорее! Записать!.. Федор Федорович чуть было не засуетился, о чем впоследствии наверняка вспоминал бы со стыдом, но, опомнившись, сумел взять себя в руки. Тьфу, черт, забыл, записывать показания хронометра не надо, там же регистр на сто фиксаций времени... Значит, придется только скорректировать время первого нажатия, – ведь опоздал...

Неужели – оно?! Наконец-то. Не комета – но все-таки...

Мысль Федора Федоровича прыгала сумасшедшим зайцем, руки дрожали. Не раскатать бы монтировку инструмента...

Покрытие звезды Ганимедом наступило вовремя. С той разницей, что длилось не семнадцать, а только лишь десять секунд.

Федор Федорович не вбежал – влетел в дом. Как был, в пуховке и в валенках, рухнул на табурет перед компьютером и – о чудо! – с первой попытки вошел в Интернет. Тяжело дыша, разыскал сайт Ассоциации астрономов-любителей, отстучал сообщение в «почтовый ящик».

Значит, так... Фамилия. Имя. Место наблюдения, условия наблюдения, тип инструмента, диаметр главного зеркала, относительный фокус, увеличение, что там еще полагается... Итак. В 1 час 29 мин 10 с всемирного времени я наблюдал скачкообразное уменьшение блеска звезды такой-то (обозначение, координаты). Явление длилось (коррекция!) около 2 с. Причиной явления полагаю покрытие звезды неизвестным космическим телом, предположительно астероидом слабее 13 зв. вел. Покрытие той же звезды Ганимедом наступило в 1 час 31 мин 46 с и продолжалось 10 с.

Он еще трижды повторил это сообщение: по-русски для журнала «Звездочет» и по-английски для «Sky & Telescope» и сетевого «AstroNet Digest». Более короткие сообщения разослал по телеконференциям. Покончив с письмами, он дрожащими от волнения пальцами запустил последнюю версию программы TURBO SKY, задал параметры поиска и через секунду знал ответ.

Пусто! Мелкие, не наблюдаемые в «Альтаир» спутники Юпитера были ни при чем. Мало того: из четырех с лишним тысяч известных программе астероидов ни один в данный момент не находился ближе полуградуса от заветной точки!

Уф-ф!.. Федор Федорович выключил компьютер и попытался с облегчением привалиться к спинке, однако табурет, недавно заменивший сломанное кресло, этой попытки не понял, в результате чего Федор Федорович едва не оказался на полу. Радости это не убавило, однако нервное возбуждение схлынуло. Посмеиваясь над собой, Федор Федорович пошел в беседку собирать до следующей ночи принадлежности, зачехлять инструмент и водружать на место крышу беседки. Мысли вернулись в спокойное русло. Конечно, это был астероид, что же еще? Только слабый, скорее всего неизвестный и уже совершенно точно незарегистрированный,

иначе журналы для астрономов-любителей не преминули бы сообщить о покрытии звезды, указав точное время и географические границы наблюдаемости явления. Новый астероид... Не хухры-мухры, а космическое тело, пусть и маленькое. Этакая глыба нескольких километров в поперечнике, на две секунды заслонившая собой слабую звезду как раз в тот момент, когда к ней подкрадывался Ганимед... Совпадение уникальное, почти невероятное. Но опять-таки все дело в этом «почти»...

Можно быть уверенным, что сотни наблюдателей смотрели сегодня то же явление. Наверняка многие из них заметили двухсекундное исчезновение звездочки. И пришли к тем же выводам. Вероятно, некоторые владельцы более мощных инструментов попытались тут же заснять астероид на самую чувствительную пленку с порядочной выдержкой. Слабая черточка на снимке выдаст гостя с головой.

Но КТО первым сообщил миру о явлении? КТО не побоялся выставить себя смешным, сперва сообщив и лишь затем проверив? КТО сел за компьютер, даже не скинув валенок? КТО без особой натяжки может считать себя истинным первооткрывателем нового космического тела?

Ну то-то.

Вероятнее всего, имя астероиду по вычислении орбиты и эфемерид даст кто-нибудь другой. Ну и пусть. Разве малая награда – ЗНАТЬ, что открыл его ТЫ?

Взошедшее над забором солнце потихоньку плавило ледышки на колючей проволоке. Федор Федорович спал и улыбался во сне. Он был совершенно счастлив.

ДМИТРИЙ КАСПИЙЦЕВ ПО ПРОЗВИЩУ БАЙТ

В первый раз, когда электричку только лишь несильно тряхнуло, словно сумасшедшим боковым порывом ветра ураганной силы, Байт не обратил на это внимания. Техника и есть техника, мало ли что бывает. Мало ли отчего вагон может споткнуться на бегу. Дефект пути, или, допустим, что-нибудь отвалилось от днища древнего вагона, например какой-нибудь компрессор, скачущий теперь по шпалам под лязг проносающегося над ним железа и вой бешено вращающихся осей колесных пар. Кое-кто из пассажиров оглянулся, недоуменно покрутил головой – и только.

Зато второй толчок был куда сильнее, и тут уже места сомнениям не осталось: крушение! Кто-то вскрикнул, то ли от неожиданности, то ли от испуга. Сухонький старичок с пустым ягодным лукошком на коленях охнул, вспорхнул над скамейкой и выпал в проход. Басом взвыла старуха с большой бородавкой на носу, на которой симметрично уместились две маленькие бородавочки. За спиной звякнуло стекло о стекло и чья-то луженая глотка исторгла хриплый фальцет: «Сволочь, ты спирт пролил!!!» Пронзительно завизжала толстая тетка, и одновременно с нею с длинным и не менее пронзительным визгом сработали тормоза, притирая к сверкающим ободам колес мгновенно раскалившиеся тормозные колодки.

Байту показалось, что за окном качаются деревья. Но, наверно, это просто-напросто раскачивался вагон, долгую минуту торможения скрипел и лязгал, опасно кренился то в одну сторону, то в другую, словно придирчиво выбирал, где ему удобнее всего кувыркком покатиться с насыпи. Но так и не выбрал, остановился, надорвав душу финалом тормозной симфонии. Замер.

И почему-то продолжал раскачиваться. Упрямо. Всем назло. Хочу, мол, качаться и буду.

Грязное, не вчера и не месяц назад мытое вагонное стекло провинциальной электрички отражало изумленное лицо Байта, лицо запоминающееся и породистое, несколько даже утонченное, как у древнего римлянина периода упадка империи, с врожденным выражением легкой брезгливости в углах рта. Но Байту не было дела до своего отражения, он смотрел сквозь него.

Деревья-то и вправду качались!

И, что уже совсем не понравилось Байту, метрах в пяти от окна мерно и грозно раскачивалась тяжелая решетчатая опора контактной сети, дрожали туго натянутые тросы, и откуда-то сверху, наверно, с контактного провода, колотящегося о токосъемник, с негромким злым шкворчанием сыпались искры. Сейчас как шарахнет тремя киловольтами – мало никому не покажется.

На всякий случай Байт отодвинулся от окна и подобрал ноги.

Землетрясение?! Оно и есть, родимое. Баллов пять-шесть по Меркалли. Или по этому, как его... Рихтеру?.. Блин, в наших-то несейсмических краях! На ровном-преровном перегоне Болгое – Окуловка!

Ахи, охи, всполохи-взвизги, растерянный мат. Пассажиры повскакивали с мест. В дальнем конце вагона заплакал ребенок. Толстая тетка, не забыв подхватить сумки, с воплем, похожим на пожарную сирену, первой рванулась по проходу к тамбуру. Ее настигли, пихали в спину. Шевелись! Старичок с ягодным лукошком порскнул из-под ног человеческой лавины, выгадал два прыжка, судорожно задергал сдвижную остекленную дверь. Берегись, дед, раздавят! Стопчут и пройдут по тебе и твоему лукошку. Ты ведь за ягодами ехал, дед, а не за увечьями, так сиди! Оставаться в вагоне намного безопаснее. Еще есть секунда ускользнуть вбок, зачем тебе в тамбур? Ребра переломают в давке и кишки выпустят. Зачем тебе на волю, где сейчас начнут падать столбы и вот-вот порвется контактная сеть?

Готово – порвалась. Хлестнуло. Короткий фейерверк искр на мокрой от росы щебеночной отсыпке – пшикнуло и погасло. Наверное, на замыкание сработала какая-то автоматика, а может, напряжение вырубил и вручную. Разницы, в сущности, никакой.

Байт не уловил момента, когда вагон перестал раскачиваться. В битком набитом тамбуре вопили и хрипели, пытаясь силой разодрать обрезиненные створки. Придавленной змеюкой зашипел воздух, двери раскрылись сами. Зря пробившийся вперед плюгавый мужичонка выпал нырком, но ничего, вскочил, ищет укатившуюся вниз по насыпи кепку. Жив-здоров. Главное, не орет и не скачет трахнутым козлом по причине шагового напряжения.

Байт обнаружил, что подбородок у него мокрый: во время второго толчка зажатая в руке зеленая банка плебейской «Баварии» изловчилась и плюнула-таки пивом. Хорошо, что не в глаз, а еще лучше, что не на штаны около ширинки – не объяснять же встречным-поперечным, что произошло совсем не то, о чем они подумали!

– Гады, – сказал он не очень уверенно, вытирая подбородок ладонью. – Давить уродов.

О том, кого в данном случае следует считать уродами, ответственными за происшествие, он не стал ни распространяться, ни думать. Формула неодобрения пакостному поступку природы была произнесена, а разговор с Фосгеном, погнавшим его в эту командировку, был еще впереди. Хотя с Фосгена все как с гуся вода.

Байт снял с крючка сумку, повесил на плечо и тоже двинулся на выход. Тамбур уже очистился, тремя ступеньками ниже галдящая толпа, топча рыжий щебень, вытягивалась в нитку по верху насыпи. Бросилось в глаза обилие людей с корзинками, лукошками и целыми наспинными коробами на лямках. То ли грибники, то ли ягодники, устремившиеся за добычей на краешек Валдая. Ягодников, наверное, больше. Места здесь, говорят, знатные. Вроде бы для клюквы еще рано, значит, ехали за брусникой, в середине августа в самый раз.

Приехали...

Первым делом Байт взглянул вправо-влево вдоль состава и убедился, что все вагоны остались на рельсах. Уже ладненько. Значит, никаких изувеченных. А вот без контактного провода электричка не поедет, не дизель. Будет стоять тут, покуда из Бологого не пригонят ремонтную бригаду. Да и везде ли в порядке путь, все эти рельсы-костыли-шпалы?

Блин, обидно! И проехать-то осталось всего километров десять, не больше.

Между прочим, не исключен и третий толчок! И торчат возле вагонов под накренившейся решетчатой опорой контактной сети вовсе не обязательно.

Сделав такое умозаключение, Байт бочком-бочком спустился с насыпи. Лучше быть первым на шоссе и взять попутную тачку раньше, чем туда набежит толпа конкурентов.

Напрямик в лес он не сунулся, решив, что не выжил еще из ума, чтобы тропить пути сквозь чащи и буреломы. Низом насыпи шла тропинка, по ней Байт и двинулся, намереваясь свернуть при первой возможности. По идее, новой автотрассе Москва – Петербург полагалось проходить справа примерно в километре, максимум в полутора. Не столь уж большое расстояние, чтобы проклясть все на свете. И уж коли заехал так далеко, пожалуй, нет смысла возвращаться в Москву несолоно хлебавши. Ведь почти доехал! Как там эта деревня называется – Языково, что ли? Байт вынул из кармана шпаргалку. Точно, Языково. А хорошо бы поймать тачку прямо до места, чтобы не ловить второй раз в Угловке. Пусть только попробует Фосген не оплатить! Не сумеет провести через бухгалтерию – пусть платит из своего кармана.

В командировку ему не хотелось ехать с самого начала. И зачем соглашался? Чего ради он, Дмитрий Каспийцев по прозвищу Байт, давно уже не мальчишка как по возрасту, так и по социальному статусу, сотрудник и соучредитель маленькой, но крепкой торговой фирмы, должен топтать пешком вдоль насыпи на черт-те каком километре от Москвы? Фосген бы брюзжал? Ну и пусть.

В редакции журнала «UFO-press» Байт работал не за деньги, которых платили мало, да и те задерживали по два месяца, а почти что за голый интерес и сотрудничеством с журналом

дорожил, находя в нем некую отдушину. Надоело бы – бросил. В его обязанности входило лазать по сетям в поисках бреда, обычно подаваемого как наблюдения НЛЮ очевидцами, а то и контакты разных бедолаг с гуманоидами всевозможных расцветок и типоразмеров, но неизменно страховидными. Попадались мутные фотографии, иногда – заметки зарубежных уфологов и информация о клубах, встречах и конгрессах любителей странного. Тем журнал и жил, также публикуя письма читателей, обзорные статьи Фосгена (под псевдонимами Б.Одров и У.Бивцев) и самого Байта. Иной раз, если оставалось место, печатал и фантастику. В последнее время половину всего «сырья» для журнала вылавливал и выдавал на-гора Байт. Случалось, мобилизованный Фосгеном на ликвидацию прорыва, он превращался в верстальщика, второго редактора, фильтровал самотек, а то и читательские письма, приходящие на адрес журнала обычной почтой.

Не далее как вчера, вымирая от московской августовской жары, Байт сидел в редакции, ловил кожей горячий ветерок из окна, выходящего, к счастью, на север, наблюдал одним глазом за шаманскими манипуляциями мастера, вызванного чинить сломанный кондиционер, читал очередное письмо, тихо ржал и вообще находился в состоянии скорее благодушном и расслабленном, нежели стойком, никак не думая, что сейчас его возьмут в оборот. За соседним столом корректорша Людочка, недавно уличенная в написании «эпизоотические» вместо «эпизодические», скучно мусолила «Словарь трудностей русского языка», пытаясь выяснить, как пишется: витать в эмпиреях – или в империях? Своей комнаты у Байта, конечно, не было по той причине, что вся редакция помещалась в одной большой кубатуре, а вторую, малую, главный редактор оборудовал себе под кабинет. Между комнатами крейсировал замглавред Вазген Ашотович, иначе – Фосген.

– Привет, старик, – скороговоркой начал он с порога. – Тут у меня для тебя есть кое-что.

– Пиво холодное? – спросил Байт без особой надежды.

– На пиво еще не заработал. На, держи пока это.

С этими словами на стол перед Байтом шлепнулась мятая газета. Видно было, что ее, бедолагу, и в трубочку сворачивали, и за поясом носили, прижав к потному брюху, и многим другим испытаниям подвергалась терпеливая бумага, разве что арбуз на ней пока еще не резали. Впрочем, не факт.

– Ты лучше вот что почитай. – Байт, ухмыляясь, протянул Фосгену письмо. – Гуманоид на сеновале напал на доярку. Что думает наука: прерывать ей беременность или нет?

– Так и пишет? – Фосген даже не улыбнулся. – Бывает, старик. Ты у нас недавно работаешь, не привык еще. Хуже всего, когда мессия какой-нибудь потусторонний объявится, жизни не даст. А письмишко сохрани, пригодится. Не сам сочинил?

– Клянусь, – уверил Байт. – А на кой? Для ноябрьского номера писем хватает.

– Ну и настрои потом какой-нибудь ответ редакции, пойдет в декабрьский номер. Да ты заметку-то прочти. На последней странице.

Пришлось побороть брезгливость и прочесть. Мятая газетенка именовалась «Валдайские ведомости». Совсем короткий текст заметки был помещен ниже спортивных новостей и чуть выше объявлений и некрологов, а в придачу к нему имелась нечеткая темная фотография, плавно переходящая в жирное пятно с прилипшей к нему рыбьей чешуйкой.

– Вазген Ашотович! – встряла в паузу Людочка, подняв глаза от «Словаря трудностей». – Как правильно пишется: гранд-дама или грамм-дама? В словаре этого нет.

Фосген молча втянул ноздрями воздух и смолчал.

– Грамм-дама – это Дюймовочка, – объявил Байт. – По весовой категории.

– А гранд-дама?

– А гранд-дама – жена испанского гранда.

Фосген прошипел что-то нечленораздельное. Людочка уткнулась в словарь.

– Ну и что? – дочитав заметку, пожал плечами Байт, ожидая разъяснений.

– Как это – что? Мы журнал или где?

Байт хотел съехидничать, но раздумал. С главным, пожалуй, можно было бы позволить себе, а с Фосгеном – нет. В летающие тарелочки он, как человек здравомыслящий, конечно, не верит и не требует этого от других, но работа есть работа.

– Ну, журнал. И что дальше?

– Тираж падает, вот что. Съезди туда, старик. Командировку оплатим.

Байт кисло посмотрел на Фосгена. Ему очень не хотелось никуда ехать. Да еще тратить на это выходные.

– Зачем еще?

– А что, не надо оплачивать?

– Этого я не сказал! – Байт оживился. – Оплатить, положим, можно. А ехать-то зачем?

– Посмотришь, сделаешь пару снимков, то-се, с очевидцами поговоришь. Очерк собственного корреспондента, понял? – Фосген, как всегда, тараторил. – Ты, старичок, перспективы не видишь. Доколе нам перепечатывать чужое? Съездишь ты, и «рыбу» напишешь ты, а разверну в очерк, так и быть, я. Еще в октябрьский номер запихнуть успеем, я пока придержу место. Ну как?

Байт брезгливо ткнул пальцем в газетный снимок, вытер кончик пальца о шорты, придирчиво осмотрел его и вытер снова.

– Это что – артефакт?

– Вот на месте и разберешься.

Байт скорчил гримасу.

– Допустим, тут действительно дом разрезанный. А где летающая посуда?

– Где, где... Тебе в рифму ответить или как? – фыркнул Фосген. – НЛЮ атакует, понял? Само собой, заголовок пойдет со знаком вопроса. Решай: едешь или нет?

Уже пять минут спустя Байт пожалел о том, что дал себя уломать. Чувство досады крепло весь остаток дня и достигло апогея, когда выяснилось, что единственный поезд, останавливающийся в пресловутой Угловке, ходит только по четным числам (сегодня было нечетное), а на остальные поезда имеются только плацкартные боковые. Еще, правда, касса предлагала билеты в вагоны СВ, однако реалист Байт ни на минуту не позволил себе вообразить, будто Фосген согласится выложить такую сумму. От мысли оплатить СВ самому Байт отказался, сочтя это извращением.

Значит, плацкартные. Против судьбы не попрешь. Значит, боковые. До Бологого. А там – как получится.

Часа три он проспал, поджав ноги и боясь выпасть в проход, ибо боковые полки, как известно, спроектированы для редко встречающихся на российских просторах пигмеев; в Бологом же выяснил расписание электричек. В наличии имелось три часа мучительно тянущегося времени, два сорта теплого пива в пяти круглосуточных киосках и душная, почти не освежающая ночь.

И похоже, это было только началом злоключений. Теперь же не верящий ни в какую чертовщину Байт уже всерьез подумал о том, что, наверное, кто-то очень не хочет, чтобы собкор «UFO-press» прибыл по назначению, и потому этот кто-то, не преуспев в мелких пакостях, пустил в дело главный калибр.

Землетрясение...

Достигнув головного вагона, Байт остановился, помотал головой и полез в сумку за пивом. Посмотреть было на что, а посмотрев – содрогнуться. Метрах в десяти перед носом электрички насыпь разодрало трещиной метровой ширины, и над провалом, словно указующая десница, повис, все еще покачиваясь, лопнувший и загнувшийся к небу рельс. Шуршал, осыпаясь, щебень.

– Блин, – потрясенно сказал Байт. – Приехали.

Он проследил взглядом трещину – змеясь и постепенно сужаясь, она уходила в лес, где и пряталась в зарослях лопуха, дягиля и сныти. Одно дерево, оказавшееся точно на пути трещины, было разорвано вдоль, от корней до середины ствола.

– Блин...

Будет что рассказать друзьям в сауне... Да только не поверят на слово, уроды. Если, конечно, Москву не трянуло с той же силой, что, кстати, вполне вероятно.

До тропинки через лес пришлось изрядно протопать вдоль полотна, зато автотрасса оказалась даже ближе, чем ожидал Байт. И первый же шоферюга, узрев поднятую руку, притормозил гигантский панелевоз и без всяких условий коротко буркнул: «Садись!» Судьба неуклюже извинялась за мелкие пакости и главный калибр.

– Сколько? – спросил Байт.

– Чего сколько?

– Денег.

– До поворота на Языково сколько не жалко. По пути. А если желаешь до самой деревни, тогда сверх того еще двадцатку. Годится?

Байт кивнул. Панелевоз завибрировал, набирая скорость.

– А землетрясение-то, а? – спросил Байт, доставая из сумки и вскрывая предпоследнюю банку пива. – Асфальт нигде не поломало? Я вон там хар-рошую трещину видел.

– Не понял, – сказал водитель. – Ты о чем?

– О землетрясении. На железной дороге пути порвало. Только не надо мне говорить, что тут ни одного столба на трассу не упало!

– Ты че, парень, перегрелся? – спросил водитель, подозрительно покосившись на Байта. – Какое землетрясение?

От неожиданности Байт поперхнулся пивом.

– То есть? Как – какое? Трясучее.

Не отрывая взгляда от дороги, водитель выразил лицом сильнейшее недоверие. Затем хмыкнул и поинтересовался:

– А ты, часом, не наркоман?

– Нет.

– Тогда свою бабушку разыгрывай, парень, а меня не купишь. Я таких шутников сразу вижу. Выдумал: землетрясение! Скажи еще: Тунгусский метеорит... Ха!

– Не понял, – заморгал Байт. – Было, говорю, землетрясение. Кто кого разыгрывает?

– Уж я знаю, кто кого, – отрезал шофер.

Байт замолчал в изумлении и стал смотреть на трассу. Странное дело: дорожное покрытие было в порядке, и телеграфные столбы по краям шоссе и вправду стояли по большей части прямо, а не вкривь.

Блин...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРЕДВЕСТНИКИ

Август – октябрь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Внутренний телефон, подлый аппарат, который не отключишь, как городской, звякнул в десять пятнадцать, как раз в ту минуту, когда его трезвон был наименее желателен. Поэтому я дал ему сделать три гудка, посылая мысленно проклятия Александру Беллу, а заодно и Томасу Эдисону, договорил фразу и только потом снял трубку:

– Капитан Рыльский слушает.

– Зайдите ко мне. – Вдаваться в подробности полковник Максютов не стал и сразу повесил трубку.

С виду благожелательно, а на самом деле кисло я взглянул на клиента и прочитал на его лице типичную гамму чувств: запоздалое сожаление о своей глупой неосторожности, тоскливую маету, жгучее желание немедленно испариться отсюда и впредь обходить за версту любого штатского, одетого чересчур аккуратно, и малая толика нездорового любопытства. Одним словом, комплекс карася в садке. Скверное это дело – прерывать доверительный разговор с тем, кому предстоит работать на тебя не за жалованье, но делать было нечего. На вызов полковника Максютова подчиненные не идут – мчатся стремглав, диффундируя сквозь стены.

Скинув клиента на руки Саше Скорнякову – пусть он доходчиво объяснит за меня разницу между карасем в садке и карасем на сковородке, – я, лавируя между выставочными диванами, покинул офис, принадлежавший липовой мебельной фирме «Альков-сервис», и через десять минут топтал ковер в кабинете своего начальника. Как обычно, сесть он мне не предложил.

– Берите свою машину и немедленно поезжайте, – сказал он мне, даже не взглянув на папку, которую я предусмотрительно захватил с собой, из чего я сделал вывод, что текущие дела его сейчас занимают мало. Более того, взваливая на меня новое задание и обратив в мою сторону один глаз, вторым он одновременно просматривал на экране монитора нечто, по-видимому, более интересное, нежели один из подчиненных, и часто тюкал негнушимся пальцем в клавишу «Page Down». – Новгородская губерния, деревня Жидобужи, дом без номера, на отшибе. Там проживает Шкрябун Виктор Иванович, подполковник в отставке, наш бывший сотрудник. Кое-что из его личного дела на этой дискетке, возьмите и сбросьте себе на чип, ознакомьтесь по пути. Передадите Виктору Ивановичу от меня привет, скажете, что помним о нем. Ваша задача: вступить с подполковником в доверительный контакт и уговорить его передать нам свой личный архив... – В этот момент я, наверно, не уследил за своим лицом, поскольку полковник набычился, моментально побагровел и рявкнул: – А ну, не тарашить глаза – выпадут! Именно архив. Он нам нужен. И желательно получить его с добровольного согласия владельца. Скажите ему, что нам было бы крайне желательно заполучить подполковника Шкрябуна в консультанты по одной разработке, суть которой, не говоря уже о подробностях, до вас, маленького человека, пока не доведена. Это, кстати, правда. Не вздумайте там с ним крутить. Если он проявит хотя бы проблеск интереса и вступит в торг, считайте, что вы справились с заданием. Никаких легенд. В остальном действуйте по ситуации, я полагаюсь на присущую вам находчивость и некоторое... гм... обаяние. – Тут полковник Максютов соизволил обратиться в мою сторону оба глаза и последнее слово произнес с сильным сомнением в голосе. – Имейте

в виду, подполковник Шкрябун имеет все основания считать себя незаслуженно обиженным нашей конторой. Откажется сотрудничать – ваша вина, ясно?

– Разрешите выполнять? – спросил я, борясь с желанием принять этакую полустроевую позу: каблуки полуботинок сведены, живот втянут, правая рука ищет шов на бедре, на левом плече, скинутый по причине жары, висит белый летний пиджак и тоже каменеет под взглядом начальства. Искоренять в себе армейские атавизмы я не собираюсь: начальству на них начхать.

– Подождите. Заодно заскочите там в райотдел УВД, разберитесь, что к чему. У них какое-то странное дело, возможно, по нашей части. Ознакомьтесь и берите не колеблясь, если действительно странное. Теперь все. Идите.

Как говорится, послали – и я пошел. Туда – не знаю куда. Какие такие проблемы свалились на службу Национальной Безопасности, что непременно требуется помощь отставного подполковника Шкрябуна? Что еще за нонсенс – личный архив?!

Покрыто мраком.

Пожалуй, я не был особенно озадачен. Полковник обожает давать людям ровно столько информации, сколько им, по его мнению, безусловно необходимо, а дальше барахтайся сам как знаешь. Те из молодых сотрудников, кто тонет и верещит о помощи, пополняют собой периферийные управления или тихо уходят в отставку, под присмотр. Тех, кто упрямо барахтается, полковник не то чтобы привечает – просто гребет под себя и терпит их присутствие. Остаются не самые несовестливые – просто цепкие и умные. От рождения, потому что никакой дрессировкой этих параметров до нужной кондиции не довести. Как определить умных? А это те, кто остался. Окончательную шлифовку, как водится, делают коридоры Управления.

Я шел коридором и думал о том, что даже если неведомые мне Жидобужи расположены на краешке Новгородчины и недалеко от новой скоростной автомагистрали, то и тогда гнать мне в одну сторону часа четыре. Да столько же обратно. Допустим, час на уламыванье Шкрябуна, час на райотдел УВД – уже десять часов как минимум. А на самом деле, вероятно, гораздо больше. Домой попаду за полночь, как пить дать.

Из припаркованного в переулке автомобиля я позвонил Маше и предупредил, чтобы рано не ждала. Она ответила усталым «да» и после минутного разговора отключилась. Лепета Настьки слышно не было: либо возилась с мягкими игрушками в дальней комнате, либо еще спала. Кредитная карточка, документы, табельное оружие – все было при мне. Талоны на бензин, оплаченные фирмой «Альков-сервис», в бардачке. Можно ехать, а есть желание или нет, кого интересует?

Только ненормальные всю жизнь играют в такие игры. Но ненормальным нравится в них играть, вот в чем загвоздка. И потом, ничего другого они не умеют.

Сунув дискетку в прорезь и убедившись, что данные нормально читаются, а не зашифрованы каким-либо хитроумным способом, я приложил большой палец к папиллярному сенсору зажигания и тронулся – нет, не умом, а только в путь. У Белорусского вокзала, как всегда, была «пробка» с повисшим над нею в летнем безветрии сизым облаком выхлопа, через километр – еще одна, затем еще и еще, так что из города я выбирался не менее полутора часов, а дальше стало легче и кое-где новая трасса действительно оправдывала название скоростной. Во всяком случае, дорожные знаки, ограничивающие скорость – не ниже девяноста, – попадались достаточно часто, иногда удавалось подолгу держать и сто двадцать, а трактористов и других подобных им любителей черепашьей езды дорожная полиция гнала взащей.

К моей радости, комп обнаружил на карте искомые Жидобужи примерно там, где мне мечталось, – не чересчур далеко по трассе и не слишком в стороне от нее, всего километрах в двадцати, поворот возле Угловки. Почти что на прямой оси Москва – Петербург, чуточку ближе к последнему.

Стало быть, я официальное лицо. И еду с официальным поручением. Собственно говоря, будь иначе, дождался бы я, пожалуй, информации о Шкрябуне в свою базу!

Я позвонил в Окуловку и еще раз обрадовался: оказывается, гнать туда мне не было никакой нужды, криминалисты и следователь выехали на место происшествия полчаса назад. Дежурный – судя по петушину голосу, молоденький парнишка – так и сказал: происшествия, а не преступления. Ну, там разберемся... Где? Деревня Языково, что, судя по карте на моем мониторе, всего-навсего в десятке километров от моих Жидобужей. Удачно.

Везет тебе, капитан Рыльский. Как всегда, в мелочах – но везет...

Ну а теперь посмотрим, что у меня есть по подполковнику Шкрябуну. Вернее, послушаем, не отвлекая зрение от дороги, а то как бы не выехал передо мною с проселка какой-нибудь трактор. Я активировал чип, намертво фиксируя информацию в памяти, выбрал голос номер три – вязковатый, чуть растягивающий слова баритон – и стал слушать.

Итак. Шкрябун Виктор Иванович, 1949 года рождения, подполковник УНБ в отставке. С 1973 года в органах. Поощрения. Участник Якутского золотого дела. В 1976-м попал в группу полковника (позднее генерал-майора) Шерстобитова, работавшую с паранормальными объектами. Проявил себя... ну, это уж как водится. Для чего, интересно, полковник Максютин скинул мне эту словесную труху? Так... В громких делах более не участвовал. Пока ясно только одно: не выскочка и не интриган, спокойно делал скромную карьеру под Шерстобитовым вплоть до ухода последнего в отставку. Начиная с 1985 года уже в звании майора КГБ фактически руководил группой, в которой создал подгруппу, занимающуюся не столько паранормальными людьми, сколько паранормальными явлениями вообще. Подробной информации нет. Гм... когда-то эти исследования были жутко секретными, а вышел – пшик.

Так... «Паранормальную» группу прикрыли в 1991-м, не возродили и впоследствии. Тогдашняя ФСБ не намеревалась ловить чертей при помощи магии и лозоходства, у нее и других проблем было выше крыши, не говоря уже о возможностях бюджета. Под первое крупное сокращение Шкрябун, однако, не попал. Последнее его дело: Чечня, 1995 год. Не исключено, что он там пытался применить свои старые наработки, но дело кончилось полным провалом. В конце того же года Виктор Иванович Шкрябун вышел в отставку. В звании подполковника. В возрасте сорока шести лет.

Ну и что, собственно?

* * *

Устрашающих размеров рекламный щит, вбетонированный в обочину подле придорожного кафе, выполненный светящимися красками и к тому же, вероятно, подсвечиваемый ночью ультрафиолетом, не сообщал, а прямо-таки вопил на весь участок шоссе от поворота до поворота:

ВЫБРОСЬТЕ СВОЙ КОМПЬЮТЕР НА ПОМОЙКУ!
CROWN-VL-2100 – ЧИП ДЛЯ ВАС!!!
РЕАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ!
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ * НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ * НОВОЕ
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ.
РАСШИРЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ * УВЕЛИЧЕННАЯ ПАМЯТЬ *
МГНОВЕННОЕ БЫСТРОДЕЙСТВИЕ.
ОТНЫНЕ ВЫ ЗАБУДЕТЕ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПОЖЕЛАЕТЕ ЗАБЫТЬ!
ВЫ НЕ УВЕРЕНЫ В СЕБЕ? ГИД-ПОДСКАЗЧИК К ВАШИМ
УСЛУГАМ!
ДОЛОЙ ПРОБЛЕМЫ С МАТОБЕСПЕЧЕНИЕМ! ПУСТЬ БИЛЛИ
КУСАЕТ ЛОКТИ!
ИМПЛАНТАЦИЯ БЕЗОПАСНА И БЕЗБОЛЕЗНЕННА.

СЕРТИФИЦИРОВАНО МИНЗДРАВРОМ РОССИИ. ЗВОНИТЕ НАМ ПРЯМО СЕЙЧАС!

Рябило в глазах, но аляповатая клякса в нижнем углу щита все же приковывала внимание. До верха, значит, не докинули. Если нет сил завалить щит, делай проще: лей в пластиковый пакет краску, завязывай горловину узлом и мечи.

Я отвернулся.

Crown – это корона. Название броское и, пожалуй, не лишенное некоторого ассоциативного смысла: чип, как известно, тоже предназначается для головы, с той разницей, что не надевается на маковку, а имплантируется в клинику под затылочную кость, отчего, между прочим, по проникновению в Россию мгновенно был окрещен подзатыльником. Свидетельствую: точечная трепанация в самом деле сравнительно атравматична и под местным наркозом практически безболезненна. Чтобы разместить в голове капсулу с чипом, весящую не больше рисового зернышка, миллиграмм золотой паутинки да крошечную изотопную батарейку с ресурсом на пять лет, нет нужды сверлить в черепе дыру размером в кулак.

Рекламный щит умалчивал, правда, о необходимости провести в клинике IBM не менее двух недель, оплачиваемых сугубо отдельно. С чипом в голове надо начинать жить заново, под наблюдением специалистов: в первые дни после имплантации пациент совершенно беспомощен. Примерно так же человек, нацепивший на нос перевертывающие изображение очки, учится ходить и совать ложку с супом в рот, а не в глаз, – пока в один истинно прекрасный день не обнаруживает, что пол все-таки не побелен, а потолок не крыт паркетом. В обоих случаях мозг требует времени на переключение нейронных связей для нового ориентирования, а в реальном ли мире, в информационном ли – все едино.

Времени и упражнений. И платить все-таки нужно. Отнюдь не маленькие деньги: за все про все от двадцати пяти до шестидесяти среднемесячных зарплат россиянина, в зависимости от класса клиники и модели чипа. Однако, согласно статистике, уже каждый сотый россиянин носит в голове чип – это примерно впятеро меньше, чем в США, и втрое меньше, чем в Евросоюзе, зато, как ни странно, много больше, чем в развитых странах Восточной Азии, включая Японию и Корею, – брезгают они там, что ли?

Вполне возможно. Хотя есть непроверенная информация, будто японцы считают данный путь тупиковым и готовят на свою голову (в буквальном смысле) нечто принципиально иное. Быть может, кто-то и знает, что именно, но не я.

Мне было проще: мой чип – собственность УНБ. Ни денег из моего кармана, ни мыслей о том, надо ли подвергать себя. Что положено, то не обсуждается.

Я смотрел на рекламную надпись и думал о том, что она врет еще минимум дважды: чипы вовсе не привели к отмене компьютеров. Новое качество жизни, если иметь в виду жизнь общественную, – и то спорно. Ну политики перестали читать по бумажке, ну на приемных испытаниях в университеты и высшие училища экзаменаторы теперь стараются оценить не объем знаний, а способность абитуриента соображать, – вот почти и все. И стареющий миллиардер Билл Гейтс, насколько мне было известно, вовсе не намеревался кусать чьи бы то ни было локти, тем паче свои собственные. Пусть принцип чип-управления мозгом был разработан не в его корпорации, да и не в IBM, а фактически «на коленке» одним русским эмигрантом, одним французом и одним бельгийцем, – ну и что? Громоздкий дредноут «Майкрософта» по-прежнему на плаву, топит опрометчиво подвернувшиеся под форштевень джонки и процветает. С точки зрения рядового чиповладельца, проблем с матобеспечением чипов не существует, это верно, но кто сказал, что не существует самого матобеспечения?..

Не Билл же Гейтс.

– Кошмарно много текста, правда?

Вопрос задала женщина с соседнего столика. Еще сравнительно молодая или успешно молодящаяся – не понять, когда солнце светит прямо в глаза. Одна. Кажется, приехала вон на

том спортивном «Ауди». Большой узел светлых волос на затылке, стаканчик колы и салат с воткнутой вилкой на столике. Больше ничего не разглядеть.

– Пожалуй, – согласился я, жмурясь от слепящих бликов.

– Им следовало оставить одну строку, самое большое две, вы не находите? На скорости буквы совершенно сливаются.

– Простите, вы специалист по рекламе? – спросил я.

Она рассмеялась:

– Слава богу, нет. Я социолог. В сущности, меня интересует совсем другое: как изменится наш мир после повсеместной чипизации? Конечно, я не верю в то, что он погибнет, как думают эти ревнители старины, – тут она указала на подпортившее щит пятно краски, – но он изменится. Он уже сейчас меняется. Преступники с чипами, например. Подзатыльник делает ум шире и быстрее, но не глубже, разве нет? А если колодец не углублять, он заплывет илом.

С этим тезисом я спорить не собирался. И вообще не собирался спорить. Оставалось пожать плечами и пробормотать:

– Шире и быстрее – уже кое-что.

– Полная энциклопедия «Британника» в голове, Брокгауз и Ефрон, цитаты из любого классика, подсказки, что когда сказать и как лучше себя вести... – перечислила она, по-моему, собираясь пересечь за мой столик. – Интересно, кому это нужно? Умнее мы не станем, а счастливее и подавно. Превратимся в толпу эрудированных кретинов... Вот в чем вопрос: нужны ли здоровому мозгу протезы?

Вряд ли она набивалась на что-то большее, чем мимолетный разговор. Я не тот предмет. Насчет обаяния полковник Максютлов изволил пошутить, мои внешность, костюм и стиль штатно определены: я сер и малозаметен. Не с рождения и не только по роду службы – просто-напросто давно уже ненавижу выглядеть плейбоем и вешалкой для случайных женщин. Мало им, что ли, вешалок? Вон хотя бы мужественный голубоглазый блондин Саша Скорняков – чем плох? Его работа с женщинами часто дает превосходные результаты.

Если бы не приспичило в туалет – хрена бы я вообще вышел из машины, перекусил бы наскоро с пристыкованного к дверце подноса!

– А вы как думаете? – вяло спросил я.

– Машина ценна ровно настолько, насколько ценен использующий ее человек, – выпалила она заведомую цитату и пояснила много скорее, чем следовало: – Винер.

Понятно...

Неделя или две из клиники. Максимум три, но никак не больше. Иначе она сказала бы: «Это Винер» или хотя бы выдержала паузу. Под узлом светлых волос, под едва зажившей кожей и пробуравленной затылочной костью сидел чип. Просто она еще не научилась как следует им пользоваться. Я помнил по себе: первый месяц после имплантации было трудно – чудовищно трудно! – не выбалтывать напрапалую все подсказки, предоставляемые чипом на выбор.

Чипированные женщины обычно предпочитают скрывать свой чип в разговоре с нечипированными мужчинами – те от них панически бегут... Иные чип-красавицы приспособляются очень ловко симулировать пустую голову – только не сразу после клиники.

Я безразлично кивнул и отвернулся, прекращая разговор. Пусть дама поищет себе для практики другие тренажеры...

Знакомая придорожная кафешка у заправочной станции на четырехста первом километре – прежний «Вольный ветер», – как видно, поменяла хозяина, называлась теперь «Госснаб» и была снабжена подмигивающей отекающей кожей типичного бюрократа-взяточника, намалеванной на витринном стекле: юмор, мол. Нынче лягать прошлое опять входит в моду. Забыв о случайной собеседнице, я сидел за столиком под полосатым тентом, ел гамбургер, запивал ледяной колой и ломал голову, ради чего начальству позарез понадобился подполковник Шкрябун. И даже, по-видимому, не столько он сам, сколько его архив.

Вообще, что за бред параноика? Какой такой личный архив может быть у подполковника КГБ – ФСБ – УНБ? Оно, конечно, в девяностые годы случались всякие чудеса, но чтобы такое...

Ну допустим. Допустим, он собирал нечто, уже будучи в отставке, пользуясь преимущественно сообщениями открытой печати. Не поощряется, но вполне возможно. Почти наверняка он собирал информацию по своим любимым аномалиям и прочим магиям-фагиям. За полтора десятилетия могло набраться порядочно. Что, спрашивается, могло помешать полковнику Максютову получить эти данные, не прибегая к помощи замшелого отставника и не гоня меня к нему в качестве бобика? Да ничто!

Кроме, возможно, одного: мой начальник сам толком не знает, какая информация ему нужна, по каким таким критериям ее собирать...

Чудеса в решете, и только.

Почему он погнал меня, а не Сашу Скорнякова? Почему послан я, руководитель маленькой, но самостоятельной группы в отделе, занимающемся борьбой с промышленным шпионажем? Случайно это – или тут имеется некая связь? Думай, голова. Зачем полковнику Максютову вдруг потребовались аномалии и магии-фагии?

Допустим, есть веская причина. А у меня слишком мало информации, чтобы вывести собственное умозаключение. Бобик я в этой истории, и ничего больше. Бобик с чипом в башке. Капитан Рыльский, апорт! Место! Фу, тебе говорят!

Всякая скотина имеет право на информацию, прямо ее касающуюся. Вон кот серый стоит возле кустов, не шелохнется, уши прижал и только хвостом дергает туда-сюда. Что он там в кустах увидел? Наверняка – другого кота. А я не вижу.

Ну ладно. Переживем. И не такое переживали.

Быть с обиженным органами подполковником Шкрябуном паинькой и лапочкой? Хорошо. Буду. Все они, отставные, обижены, даже генералы. Хотя что может быть естественнее отставки после крупного провала? Легко отделался, могло быть хуже. Теперь ему за шестьдесят, живет себе спокойно на природе, копается в огороде, старый пень, по грибы небось ходит. А в свободное время бреет косилкой траву перед домиком и находит в этом занятии удовольствие...

Хватит о нем пока. Любопытно знать, что там за дело такое необыкновенное проклюнулось в Языкове? Хотя, по правде, с вероятностью процентов в девяносто можно предположить, что интереса для Нацбеза дело не представляет, провинциальные пинкертонеры, как всегда, рады спихнуть на нас все, что не относится к категории легко раскрываемого...

Тоже потом.

«ЧИППИ»!

Забавный мультяшный бурундучок в шляпе с прорезями для ушей, потешно серьезный и немного занудный...

«ЧИППИ, А НЕ ЗАБЫЛ ЛИ Я ЧЕГО?»

Так и есть. Забыл купить дочери шоколадный батончик, она их любит, особенно «сникерсы». Можно по дороге домой, но лучше прямо сейчас. Маша по телефону напомнила: купи, мол, ребенку шоколада. Не Настьке – ребенку... Она всегда так говорит, я сперва бесился, потом привык. Не густо у дочери радостей в жизни, и уж главную радость: съесть шоколадку и перемазаться ею по уши – я у нее не отниму.

Дурное настроение обрушилось на меня как-то вдруг, и тут же заломило в затылке, под череп пролезла тупая боль. Этого еще не хватало! Нет у меня такого обыкновения – страдать от пошлой мигрени.

Запихнув в рот последний озубок гамбургера, я протянул руку к банке с недопитой колой – и промахнулся. Ни с того ни с сего мелко-мелко задрожал пластмассовый столик. Банка хитрым финтом увернулась от моей пятерни и, дребезжа, пустилась в дрейф по столику в направ-

лении примерно на северо-запад. От неожиданности я не сразу повторил попытку схватить беглую жестянку и пару секунд изумленно наблюдал, как она отъезжает к краю стола. Э, стой!.. За тебя заплачено!

Дзень! Кто-то вскочил, кто-то ахнул. Задрезжало и звонко лопнуло «госснабовское» витринное стекло с намалеванной рожей, но устояло в раме, лишь рассеклось надвое кривой трещиной. Каркнула, сорвавшись с дерева, одинокая ворона, закачался полосатый тент, выскочил сквозь вертящуюся дверь хозяин, не то напуганный, не то полный рвения разобраться с негодяями, покусившимися на его собственность, тем дело и кончилось. Да и странно было бы, если бы не кончилось.

Ну что теперь уставился на меня, госснабовец? Прижмурь веки, зенки выпадут. Думаешь, это я? Ну, землетрясенище. Ты небось его никогда не видел, а оно и у нас пусть редко и слабо, но бывает. Отголосок могучего тектонического катаклизма где-нибудь в Карпатах, у румын, которые сами трясутся и других трясут. Так что не пялься на посетителей, пучеглазый, а смотри по ящику новости, как всякий порядочный обыватель, смакующий число жертв. Я и сам вечером посмотрю. Вернее, ночью.

А вдруг это не толчок, а всего-навсего подземный карстовый обвал под твоим «Госснабом»? Обрадуешься ли ты тому, что несколько сотен или тысяч неведомых тебе румын остались живы-здоровы?

Вряд ли...

Не враг я тебе и не судья. Просто проезжий, ничем особо не примечательный, – ты и внимание-то на меня обратил потому только, что я сижу ближе всех к злополучному стеклу. Страхнет сейчас проезжий крошки с колен на радость воробьям, сядет в машину, да и поедет дальше по своим делам, обдав выхлопом твою кафешку. А ты останешься, и нет мне до тебя дела. Адью, госснабовец.

Я поднялся из-за столика.

– Еще два гамбургера, «сникерс» и колу. С собой. Упакуйте получше, пожалуйста.

* * *

Таких домов я еще не видел ни разу в жизни. Вернее, таких руин.

– Пострадавшие? – спросил я, наблюдая за манипуляциями уездных криминалистов, по правде сказать, довольно толковыми.

– Пострадавших нет. – Начальник следственной бригады майор Алимов отрицательно качнул головой. – Хозяева отдыхают на Канарах. Муж и жена, без детей. С ними уже связались через турфирму. По-видимому, они не намерены прерывать отдых. Сегодня у них конная прогулка, а завтра восхождение на пик... этот... как его...

– Пик Тейде.

– Точно. – Майор Алимов просветлел лицом. – Это на Тенерифе. Мой зять туда собирается, два года деньги копил...

– И не огорчены? – перебил я.

– Да как сказать...

– Ладно. Кто, кроме них, мог иметь доступ в дом?

– Только приходящая домработница и охранник на долгосрочном контракте. Домработница местная, из деревни, в ее показаниях ничего интересного. Охранник в отпуске. Перед отъездом хозяев дом был заперт и поставлен на сигнализацию. Да вы зря сомневаетесь: людей под обломками нет, проверено служебной собакой. Вон и дверь цела и на запоре, сами видите. А на окнах – решетки. Даже на втором этаже... были.

Уцелевшая дверь действительно была на запоре и выглядела внушительно – ворами-любителям и бомжам, пожалуй, не открыть. Тут понадобилась бы или взрывчатка, или стенобитный

таран. Впрочем, тот, кто превратил красивый кирпичный коттедж в самую удивительную из виденных мною когда-либо развалин, заведомо обошелся без тарана.

Дом был рассечен пополам. Наискось, слева направо и сверху вниз, под углом приблизительно сорок пять градусов.

Есть такие детские игрушки для развития координации и пространственного воображения – вроде популярного «Лего», только похитрее: с разнокалиберными косоугольными деталями, стыкующимися друг с другом. Пожалуй, уцелевшая часть дома, косо срезанная от края крытой металлочерепицей крыши почти до фундамента, сильнее всего напоминала именно такую деталь.

Когда-то мы с Марией покупали для Настьки игрушки попроще...

Она с ними не справилась.

Второй части дома не было – вместо нее имелась бесформенная груда кирпича, стекла, стальных прутьев и все той же металлочерепицы. Будь разрез горизонтальным, дом устоял бы. А так... груз с трением съезжает по наклонной плоскости. Задачник по физике, восьмой, кажется, класс. Съезжая – рассыпается строительным мусором.

– Когда это произошло?

– Позавчера ночью. Приблизительно в три часа.

– Какого типа сигнализация?

– Полуактивная, типа «Аргус». Радиосигнал в местное отделение и усыпляющий газ. Срабатывает при попытке проникнуть через входную дверь или окна на первом этаже.

– И не сработала? – полюбопытствовал я.

– Сработала, – недовольно пробубнил Алимов, – когда мы вчера тут копались...

Так. Я с интересом взглянул на своего собеседника.

– Утолите мое любопытство, майор. Почему на осмотр места происшествия вам понадобилось два дня?

Майор недовольно дернул щекой.

– Странное дело, капитан, – счел он уместным напомнить мне разницу в звании. – Полоса неудач, так надо понимать. Представьте: позавчера ломаются обе наши машины, новенькие, между прочим. Пока добрались – стемнело. Начальник опергруппы схлопотал по полной. А вчера микроавтобус с экспертами по дороге сюда на пятидесяти в час влетает в кювет – и колесами кверху. Никто, к счастью, особенно не покалечился, но пока то, пока се...

– Ясно. Кто-нибудь, – я кивнул в сторону деревни, – здесь уже мародерствовал?

– Как ни странно, нет. – Майор Алимов оживился. – Мы сами удивились... то есть удивились, когда приехали в первый раз. Деревня, понятно, переполошилась, но через забор лазал только один человек, местный зоотехник. Клянется, что к дому близко не подходил – забоялся. Хотя, казалось бы, подходи и бери что плохо лежит. Еще, говорят, фотокорреспондент был, он здесь гостит у родственников, но он снимал из-за забора. Ну а со вчерашнего утра мы здесь пост установили. И ночью человек дежурил.

– Меня ждали?

– Да как вам сказать...

– Так и скажите, чего стесняться. Ждали ведь?

– Ждали.

– И рассчитываете, что я заберу у вас это дело?

Майор Алимов не обиделся.

– Почему бы нет? Я не прав?

– Посмотрим...

Участок возле дома был велик – не меньше гектара. За забор попала часть леса на взгорке, пологий склон, этакий живописный травяной лужок, спускающийся к шумящей перекатами чистой речке, и даже ручей, берущий начало где-то в лесу. Приблизившись и приглядевшись,

я сделал открытие: ручей, оказывается, протекал под домом, для чего в высоком фундаменте была предусмотрена специальная арка.

Ловко они тут решили проблему канализации. Никаких тебе биотуалетов, наших или импортных... А зимой, когда ручей замерзает, здесь, наверное, и не живут.

– Владелец, он кто – предприниматель?

– Член правления торговой компании. У нас на него не так уж много материала. Можно считать, вполне добропорядочен.

– В тихом омуте...

Вот именно, закончил я про себя. Не потому ли, кстати, он не торопится с Канар домой, чтобы потребовать страховку за разрушенную недвижимость? Но пусть даже по нашим меркам владелец чист аки агнец – все равно за клозет над чистым ручьем надо морду в кровь бить! Жаль, что хозяина нет, а я при исполнении.

Уже состарилось первое поколение хозяев, подросло второе. А разница практически неощутима. Какой, интересно, длины должна быть родословная человека, чтобы он перестал гадить на красоту и чистоту? Пять поколений? Десять? По Савве Морозову, вырождение наступает в третьем...

Перед бесформенной грудой, еще недавно составлявшей полдома, ручей разлился, но не изменил русла, а сумел как-то просочиться под обвалом. Вода дырочку найдет. Пусть среди битого кирпича, зато в нее не будут гадить. Как это пелось в популярной песенке времен моего детства:

Течет ручей, бежит ручей
Среди стекла и кирпичей...

Примерно так, кажется.

«Лусей», – говорила Настька вместо «ручей» и смело топала ножкой по воде, чтобы сверкающие на солнце брызги взлетали выше головы. И радостно визжала, ей это нравилось. Сколько ей было тогда – три? четыре? Она почти не отличалась от своих сверстниц и отставала в развитии совсем не сильно, но мы с Машей знали задолго до того: это не лечится. Диагноз нашей дочери был поставлен еще в роддоме. Сорок седьмая хромосома – это навсегда.

Она и сейчас скажет: «Лусей». Если, конечно, вспомнит, что это такое.

Бормоча себе под нос «течет лусей, бежит лусей в края лосей и лососей», я обошел вокруг дома. На вид и на ощупь поверхность среза была идеально ровная, едва ли не полированная, с едва заметной шероховатостью, вообще свойственной кирпичу. Меня поразило именно то, что шероховатость была едва заметна. Кое-где внутри стены явственно виднелись дефекты кладки – вмурованные негодные обломки кирпича, камешки в растворе от плохо просеянного песка, пустоты в швах, а в одном месте я разглядел косою срез окурка, наверняка выплюнутого кем-то в цементное месиво. Строители, как обычно, торопились и халтурили. А может быть, выражали таким образом свое тихое неодобрение «хозяевам жизни». При задержках в денежных расчетах способы выражения неодобрения могли быть и более крутыми: заделать в штукатурку сырое яйцо, сварить в систему водяного отопления стальной лом вместо отрезка трубы, и так далее, и тому подобное...

Стоп. Чем, спрашивается, мог быть сделан такой срез? Движущейся стальной лентой с абразивом? Бред. Лазером? Тоже маловероятно. Импульсные «карманные фонарики», что последнее время медленно и неуверенно входят в употребление спецслужб и мало кому нравятся, способны разве что убить человека с десяти шагов при точном попадании в глаз и несколько более пригодны для того, чтобы метров с пятидесяти поджечь кому-нибудь одежду. А тут, по самым приблизительным прикидкам, потребовался бы лазер на тягаче, связанный кабелем с подвижной электростанцией средней мощности.

Это во-первых. А во-вторых, лазер оплавил бы кирпич в месте разреза до стекловидного состояния, а этого нет. Такое впечатление, что кто-то полоснул по дому громадной бритвой микронной толщины. Н-да...

Как бы там ни было, дело у Алимова надо забирать. Он будет только счастлив.

«А чей кирпич? А он ничей», – пробормотал я вслух на намертво въевшийся в мозги мотивчик.

– Что?

– Ничего. Майор, вы не поможете мне собрать образцы для науки?

– Мои орлы уже собрали. Пойдемте покажу.

«Орлы» Алимова действительно постарались на совесть. Несколько обломков кирпича с плоскости среза, кусок металлочерепицы, обрубок деревянного бруса с прибитым к нему куском доски (надо думать, из перекрытия второго этажа), кусок пенополиуретановой стеновой панели, кусок бетона, отколотый от фундамента, кусок стекла, выпиленный ножовкой металлический прут (из оконной решетки, как я понимаю), фрагмент какой-то трубы, кусок электропровода, даже срезанная наискось половинка вазы темного хрусталя – все это было аккуратнейшим образом запаковано в прозрачные мешочки, снабженные пояснениями, откуда был взят образец. Если бы разрезало унитаз, то «орлы» и его запаковали бы в полиэтилен. В двух крайних мешочках имелись еловая ветка и несколько слегка подзавядших травинок.

Ай-ай. Где были мои глаза? Капитан Рыльский, ты слепой болван, вот что я скажу тебе по секрету. Хорошо еще, что знаешь: молчание – золото, иначе осрамиться бы тебе перед майором из заштатного УВД. Почему это ты вообразил себе, что нападение (будем пока называть это так) совершилось с земли? В том-то и дело, что оно произошло с воздуха! Вон из той точки примерно. Неизвестной природы луч, установленный на неизвестном летательном аппарате, чиркает по земле, скашивая травинки, по пути срезает ветку ели, с не меньшей легкостью срезает дом...

Бред сумасшедшего. Во-первых, почему луч с такой бешеной энергетикой не подожет дерево? Он даже не обуглил срез. Во-вторых, кирпичную стену поперек – это я еще понимаю. Но кирпичную стену вдоль?! Вон он, срез, не меньше десяти метров в длину, и все десять метров – кирпич.

– Какова длина разреза по земле? – спросил я Алимова.

– Отсюда почти до забора. Более пятидесяти метров.

Недурно...

– А глубина проникновения в землю?

– Невозможно определить, очень тонкий разрез. Невооруженным глазом практически не прослеживается, взгляните сами.

И то верно.

– Подземные коммуникации не рассекло?

– А они не здесь проходят. – Майор показал рукой. – Электрокабель вон там, а водопроводные трубы правее. Хорошо, хоть вентиль в подвале был перекрыт, иначе затопило бы. На первом этаже холодильник старый разрезало, но фреон не рванул.

– Местные жители ничего не слышали? Вертолета, например.

– Уже опросили. – Алимов понимающе кивнул. – Один парень не спал и был трезв. Ничего не слышал. Говорит, была очень тихая ночь. И ни с того ни с сего – кирпичный грохот.

– Испугался?

– Не то слово. Я сам удивился: здоровенный такой лоб. Третий день дрожит, водкой питается...

Майор Алимов смотрел на меня выжидательно. Я решил больше его не томить.

– Дело я у вас беру, майор. Похоже, оно действительно не по вашей части. Все материалы у вас с собой, или я ошибаюсь?

– Все здесь. – Алимов не скрывал своего удовлетворения. – Приказать погрузить вам в машину?

– Да, конечно. Распорядитесь.

Он пошел было распорядиться, но я остановил его:

– У меня еще один вопрос, лично к вам, майор. Что вы сами думаете по поводу происшествия?

– Как следователь?

– Ну разумеется.

– Как следователь, я считаю, что имело место случайное применение космического оружия. Рентгеновский лазер или что-то вроде. Еще повезло, что не чиркнуло по городу.

– А не как следователь? – продолжал допытываться я.

Алимов пожал плечами.

– Как материалист, я в чертовщину не верю, но... Судите сами: большая часть первого этажа цела, открыта – и не разграблена! Население боится. Первый случай такого рода в моей практике. Да я и сам... – Он замялся.

– Продолжайте.

– Ну, словом, мне здесь тоже неуютно, – неохотно пробурчал майор. – Сегодня еще ничего, терплю, а вот позавчера...

– Что позавчера? Между нами.

– Струсил я, вот что! – шепотом прошипел Алимов, буравя меня злым взглядом, и тут же нервно оглянулся: не торчит ли кто за спиной, подслушивая? – Как сопливый пацан струсил, чуть не сбежал! Понятно тебе, капитан? И не один я, между прочим! Ты на моих людей вчера бы посмотрел! Ни черта тебе не понятно, вижу. Хочешь – верь, хочешь – нет, но жуткое тут место, аномальное. Собака вон тоже вчера работать не смогла и вела себя странно.

– Кстати, что она сейчас делает? – спросил я.

– Еще раз исследует развалины. На предмет... ну там, наркотики и все такое. Кажется, чисто.

По кирпичным руинам и в самом деле бродил щуплый парнишка, влекущий за собой толстую, противную на вид немецкую овчарку отнюдь не служебных статей. По-моему, в страдающей одышкой псине было килограммов сто. Слышалось: «Ищи, Ритта! Ищи, сказано! Жрать любишь, а работать? Кто у майора чипсы спер? Ищи, зараза, ну!» Толстая собака упиралась, натягивая поводок, злобно косилась на своего работодателя, угрожающе ворчала и ступала по битому кирпичу с величайшей брезгливостью.

– Она и сейчас ведет себя странно, – заметил я.

Алимов поморщился.

– Да нет, она всегда такая. Проводник, зараза, избаловал. Ленивая, наглая и вороватая тварь, себе на уме. Давно бы выбраковать, но нюх – исключительный. Редкого чутья псина.

Я только хмыкнул и отвернулся. А зря.

Парнишка на руинах вдруг истошно завопил: «Стой! Ритта, ко мне! Ко мне, Ритта, кому сказано!» Майор Алимов проворно отпрянул. С неожиданной для такой туши прытью, вывалив на сторону мокрый язык, сипло дыша, собака в три прыжка оказалась возле меня, но, по счастью, грузно пронеслась мимо, тряся складками подкожного жира, – молча, с каким-то застывшим деревянным выражением на морде, какого я никогда прежде не наблюдал у собак, даже служебных. По примятой траве проволока поводка, вырванный из руки проводника, взвилось отчаянно-петушиное: «Стой, гадина!» – и лоснящаяся жирная тварь по-прежнему без лая, как баскервильская псина, атакующая зловредного сэра Хьюго, пересекла огороженный забором участок, ударила всем телом в калитку, едва не вырвав ее с мясом, и пропала с глаз. Калитка, снабженная пружиной, с треском захлопнулась. Ровно через секунду с той стороны забора послышался человеческий вопль.

Алимов скривился, как от зубной боли.

– Пристрелить тупую сволочь, – процедил он, проводив взглядом бедолагу-проводника, опрометью пустившегося вдогонку и также шмыгнувшего за калитку. К кому относились его слова, я решил не выяснять: пусть сам разбирается со своей командой. И с людьми, и с животными. Мое дело – дом. Даже проще: забрать дело, погрузить в багажник образцы для экспертизы – и адью! Вряд ли полковник Максютков именно мне поручит ломать голову над тем, кто, с какой целью и каким таинственным инструментом разрезал кирпичный дом, словно головку пошехонского сыра.

Пожалуй, гипотеза Алимова выглядела разумно, если отбросить в сторону постороннюю чертовщину. Мощное оружие космического базирования, наше или американское, и нечаянный сбой, за который «стрелочникам» повыдергают ноги из задниц, – вот и все. Правда, на глаз не видно следов оплавления, кирпичную стену словно бы рассекли саблей – ну так что же? Глаз инструмент неточный, пусть наши эксперты помудрят над образцами. Что я, в сущности, знаю о новых разработках космического оружия? Почти ничего. Основное пастбище моей группы – оптоэлектроника и отчасти радиотехника...

По ту сторону захлопнувшейся за проводником калитки кто-то орал благим матом, но членораздельно. Не иначе, укушенный. Сейчас начнет качать права.

Так и есть...

– Пойти посмотреть, – сказал Алимов, все еще морщась.

Я не последовал за ним. И он пошел зря: ровно через три секунды калитка отворилась и показались все трое: укушенный, проводник и уже взятая на поводок псина. И все трое отнюдь не молчали. Укушенный – высокий черноволосый парень в заляпанных грязью шортах и с сумкой через плечо – орал на проводника, тряся обернутой носовым платком рукой. Проводник орал на собаку. Собака же, словно она отроду была немой, а теперь у нее прорезался голос, исходила злобным лаем по адресу парня и бешено рвалась с поводка. Майор Алимов метал молнии из-под бровей.

– Блин! – кричал потерпевший, баюкая укушенную кисть. – Убью! Гады! Съездил в командировочку: сперва землетрясением трясут, потом в грязюке тонешь, потом менты собаками кусают...

– Сам виноват: нечего было подсматривать из-за забора, – грубовато отрезал Алимов.

– Что-о?! – Парень аж подпрыгнул.

Вежливость иногда оказывает удивительное действие на закусивших удила. Я счел полезным вмешаться:

– Успокойтесь, прошу вас. Сейчас окажем вам помощь. Заражения не бойтесь: собака служебная, здоровая. Сочувствую вам. Кстати, вы кто?

– А вы кто?!

– Капитан Рыльский, Нацбез. – Произнеся эти сакраментальные слова, отчего парень стал дышать чаще и злее, я дружелюбно продолжил: – А вас как зовут? Ведь зовут же вас как-нибудь, а?

Брезгливо морщась, парень сунул мне под нос окровавленную кисть.

– Каспийцев. Дмитрий. Скажите, чтобы мне это йодом залили.

Собака наконец замолчала – легла на траву толстым брюхом и выглядела уже вполне дружелюбно: мол, сделала дело – теперь отдыхаю смело. Я не собачий физиономист, но, по моему, на ее морде отражалось чувство глубокого удовлетворения, а хвост так и вилял вправо-влево. Зато проводник захлопал носом и вдруг бурно разрыдался.

– Цыц! – багровея, заорал Алимов.

– Майор, пусть кто-нибудь принесет из машины аптечку, – бросил я ему и вновь обратился к укушенному: – Виновные будут наказаны, в этом можете не сомневаться. – Моя жесткая механическая усмешка изобразила, что виновным лучше было не родиться на свет.

На большинство людей этот прием действует великолепно. – Ну а теперь расскажите все по порядку. Что вы сказали насчет землетрясения?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Остаток пути я проделал без приключений, но дал крюка, не соблазнившись сомнительными прелестями местных проселков. Узкий шоссе́нный аппендикс, ответвившийся от боковой трассы на Жидобужи, как ни странно, оказался в сносном состоянии. Дом Шкрябуна я вычислил сразу: только один дом и стоял на отшибе, на самом обрыве по-над шумящей речкой. Обыкновенный сельский дом из потемневшего бруса, поставленный в таком месте, где глаз невольно искал увидеть какой-нибудь расписной терем-теремок с балясинами. Высокий обрыв, пенные перекаты на речной петле внизу, а противоположный, не менее высокий берег порос старыми осинами, и некоторые носили на себе следы бобровых погрызов. Вот тебе и экологическая зачуханность средней полосы.

Гудящий шмель покружился возле моей головы, вспугнул греющуюся на заборе волосатую муху и исчез. Пахло сеном. Благолепие и умиротворенность, цветочки-лютики... А главное, никаких потусторонних технологических, если не мистических, чудес: забор как забор, дом как дом. Целый, а не разрезанный.

«ЧИППИ, ТЕСТ».

На самом деле я не произнес ничего подобного, даже про себя. В этом нет необходимости, как велосипедисту нет необходимости помнить, как удержать равновесие. Он просто удерживает его, и все. Достаточно выработать рефлекс – и езда уже не будет страшить перспективой встретить столб или сверзиться в канаву. Чипированные новички поначалу пугаются все без исключения, и то сказать: с непривычки довольно страшненько «прозванивать» чипом свой собственный, такой дорогой и лелеемый мозг.

Потом все они привыкают, и очень быстро. Стойкая чипобоязнь, в тяжелых случаях доводящая пациента до шизофрении, случается крайне редко и в девяти случаях из десяти по причине неудачно выполненной имплантации.

Это поправимо.

У каждого свои образы, каждый чипоносец сам себе мастер моделирования и по-своему видит свой мозг. Для меня он что-то вроде холодного огненного шара, в который можно без вреда запустить руку и вытащить желаемое: глубинную общую память, целиком и по разделам, поисковое устройство-гид, записную книжку для особо важной или срочной информации, процессор, шнур для перекачки данных с компа и на комп (на самом деле мозг здесь ни при чем: этой цели служат заделанная в кость антенна-волосок и микроваттный приемопередатчик, являющийся частью чипа), ластик, анализатор-подсказчик, часы, компас...

Многие пользуются образом говорящего диснеевского бурундучка, остальные изобретают кто во что горазд. Говорят, есть люди, представляющие себе свой мозг примерно таким, каков он есть в действительности. Бр-р... Вряд ли, однако, таких людей много: кому интересно знать, в каком именно участке серого вещества чип обнаружил и заставил работать бездействующий нейронный клубок? Конечно, есть извращенцы...

На самом деле чип много глупее мозга; он и не помощник мозгу в решении задач, он – кнут, свирепый надсмотрщик, безжалостный погоняла. Фельдфебель для новобранца. В крайнем случае и при исключительно дисциплинированном мозге – регулировщик движения с полосатым жезлом. Не более. Чип слишком прост, чтобы доверить ему что-то более сложное, хотя бы хранение информации. Он не умеет даже считать. Запоминает, и запоминает намертво, навсегда, тоже не чип – мозг.

Какие только дарования не расцветают под палкой...

Если бы я был артиллеристом, мой мозг был бы забит таблицами для стрельбы, если бы адвокатом – всевозможными кодексами, правилами и прецедентами. Это очень удобно. И всегда останется резерв памяти хотя бы для повышения образованности или изучения смеж-

ных с основной профессией дисциплин. Теперь так просто стать экспертом в любой области знания...

С тех пор как мне поставили чип, я придумал и использую свой собственный образ резерва общей памяти: песочные часы. Тоненькой струйкой сыплется песочек – мелкий, хорошо просеянный... Если ничего не забывать, лет через десять-пятнадцать верхняя колба опустеет, нейронная масса в моей черепной коробке заполнится информацией под завязку, и тогда я свихнусь. Психиатрия и до чипов знавала подобные случаи.

Свихнусь, если вовремя не использую ластик.

Я вынул из холодного огня песочные часы. Пока что в верхней колбе находилось гораздо больше песка, чем в нижней. Жизнь была хороша: полтора года с чипом – не срок.

Убрать песочные часы и приготовить к работе записную книжку – потом перепишу разговор на диктофонную кассету. Спрятать и никому не показывать огненный шар. Что еще?

Постучать в калитку.

Отставной подполковник Шкрябун оказался плотным седеющим мужиком вовсе не дряхлого вида. Так выглядят служащие, только вчера ушедшие на пенсию и воображающие, будто теперь-то власть займутся активным досугом, а кто-то там, наверху, презрительно кривится в ответ на их мечты и валит на бедолаг все подряд: орущих малолетних внуков и нечутких детей, непрополотые грядки, остеохондрозы и инсульты...

Кстати, грядки в огороде действительно нуждались в прополке, одни лишь ряды картошки были окучены на совесть. А траву перед домом здесь сроду никто не стриг.

Хозяин сидел под навесом вне дома и был занят. На застеленном газетой верстаке перед ним имел место разобранный мотоциклетный мотор, тут же поблизости находился и сам мотоцикл – выдавший многие виды «Урал» с обшарпанной коляской. Вероятно, списанный милицейский. И коляска, и мотоцикл были основательно покрыты засохшей грязью.

Я представился. Шкрябун не подал мне руки, без слов продемонстрировав перемазанную машинным маслом ладонь.

– Разрешите присесть?

– Садись, вон скамеечка.

Либо он превосходно владел собой, либо в самом деле несколько не удивился. Ездят тут всякие, активному досугу мешают...

– Вам привет от полковника Максютובה, – сказал я.

Вместо ответа он засопел, обжимая поршневое кольцо и пытаясь втолкнуть поршень на место. Втолкнув, перевел дух.

– Ну? – спросил он неприятным голосом. – А ты-то, парень, кто такой?

– Капитан Рыльский, Нацбез.

– Ну и что?

– Вам привет от полковника Максютובה, – повторил я.

– Про привет я слышал, не глухой. Вспомнили, значит. Это все?

Резко, но по делу. Шкрябун смотрел в корень. Мой шеф был прав: крутить с ним не следовало. Разумеется, полагалось сказать о допущенной по отношению к нему несправедливости, более того – об ошибке руководства, кратко выразить свое к ней отношение и заодно намекнуть, не сказав притом ничего конкретного, что решения пятнадцатилетней давности иногда пересматриваются. Что я и сделал.

– Полковник Максютובה просит вас о консультации, – добавил я как можно мягче.

– На предмет?

Я развел руками.

– Простите, не осведомлен.

Пожав плечами, Шкрябун снова загремел железом.

– И это все, что ты можешь сказать?

Теперь пожал плечами я:

– Разве мало?

– Ты мне пока ничего не сказал, кроме того, что отставник Шкрябун понадобился Максютову. Кстати, можешь больше ничего не говорить: я в эти игры уже не играю. Отыграл свое.

– Чем же вы, Виктор Иванович, занимаетесь? – любопытно спросил я.

– Не видишь, что ли? – хмыкнул он. – Движок перебираю.

– Это понятно. Ну а вообще?

– А ты, парень, поживи на пенсию, а я посмотрю, будешь ли жаловаться на лишний досуг. Огородничаю вот, верши ставлю, а на форель – донки. Картошку не продаю, самому нужна на зиму. Хочешь – купи рыбки, недорого.

– Что, и форель водится?

– Тут все водится. Вода-то чистойшая.

Я подумал, не стоит ли мне поведать ему о сортире ручьевого системы выше по течению, но решил умолчать.

– Ваши донки случайно не возле Языкова стоят? – невинно спросил я.

– Еще чего, – буркнул он. – В такой-то дали?

Я выразительно взглянул на газету – четырехполосные «Валдайские ведомости», тот самый номер... Укушенный корреспондент показывал мне точно такой же. Только в экземпляре укушенного заметка с фотографией несчастного дома не была аккуратнейшим образом вырезана.

– Газету на почте получаете?

– Ну, на почте.

– То-то и смотрю: почтового ящика у вас нет.

Шкрябун тоже посмотрел на газету. Потом на меня – и довольно тяжелым взглядом.

– Говори прямо, чего надо, парень... У меня дел полно.

– Огород прополки требует? – осведомился я.

– А хоть бы и огород...

С показным сомнением я воззрился на тяжелое, ростом по пояс разнотравье. Где-то под ним не без труда угадывались грядки.

– Там что – клубника?

– Возможно...

– А может быть, вы собираетесь в Языково?

– Может быть.

– Может быть, вы и вчера собирались? – предположил я.

Судя по тому, как заходили желваки на его лице, другой бы на его месте вскочил с ругательствами. Но этот справился, решив, как видно, что послать надоеду подальше он еще успеет, помолчал и в конце концов хмыкнул почти добродушно:

– Люблю дотошных. Я не только собирался, парень, я вчера и поехал...

– И у вас не завелся мотоцикл?

– Хуже, сломался по дороге. Раз уж ты такой любознательный, скажу более: возле Бельшева на ручье рухнул мост. Прямо у меня на глазах рухнул, и никого на нем не было. Под собственным весом. Сгнил, наверное. Я было нацелился в объезд, вот тут движок и встал. Назад на буксире за трактором ехал, понятно тебе?

– Более или менее. А что случилось с движком?

– Понятия не имею! – рявкнул, выходя из себя, Шкрябун. – Еще вопросы есть?

– Есть. Вы подумали над нашим предложением?

– Пусть Максютов приедет сам, с ним я буду разговаривать.

Сообщать ему о том, что он прямо нарываяется на неприятности, не имело смысла. Если яйца не учат курицу, то лишь потому, что курица по природе глупа и учить ее бессмысленно. Зато мелкая ящерка не станет учить старого опытного варана совсем по другой причине.

– И передадите ему свой архив?

– Какой архив? – Шкрябун почти не переиграл, удивившись очень натурально. – Ах, вот ты о чем... Ну, если килограмма три газетных вырезок – уже архив, тогда пожалуй... Только не отдам: самому нужен. Должен же старый пень иметь на досуге какую-то забаву?

Я вздохнул.

– Очень жаль, что у нас с вами, Виктор Иванович, не получается конструктивного разговора...

– А мне почему-то нисколько не жаль, – отрезал он.

– Значит, отказываетесь? Так Максютову и доложить?

Все-таки этот отставник хорошо владел собой. Иной на моем месте мог бы и поверить, будто мои слова не заинтересовали его ни на грош.

– Как хочешь, так и докладывай, мне-то что. Нацбез – пройденный этап. Разговаривать с вами – зря время терять.

– Значит, нет?

– Нет.

– Понимаю, – сказал я, поднимаясь. – Ну что ж, счастливо оставаться. Я прямо завидую: природа, форель, соседей никаких... По клубнику можно ходить, как по грибы. Кому захочется менять такую благодать на нашу возню, ведь так?

Он не ответил.

– А вы все-таки подумайте...

* * *

К моему удивлению, полковник Максютов еще не ушел: сидел, нахохлившись сычом, за своим гигантским столом-«аэродромом», работал и в неярком свете зеленого абажура настольной лампы выглядел жутковато. Вообще-то в кабинете имелась люстра, однако полковник предпочитал обходиться без нее. Громадные напольные часы в его кабинете – бронзовый с позолотой раритет середины позапрошлого века, когда-то украшавший гостиную купца первой гильдии, пущенного, вероятно, в расход в дни красного террора, – показывали половину третьего ночи. Поговаривали, что часы эти некогда стояли в кабинете самого Железного Феликса и что будто бы по его личному распоряжению бой у часов был не то отключен, не то сломан, но ход до сих пор оставался изумительно точным. Путь старых вещей извилист и детективен. Поговаривали еще, будто бы полковник Максютов выиграл эти часы на пари чуть ли не у Крючкова, но это вряд ли. Не та у него была весовая категория, чтобы заключать пари с Первым Шефом.

– Ну? – сказал он, отрывая взгляд от монитора и вперяя его в меня. – С чем?

Были у него какие-то неприятности, я это видел. Покрасневшие веки одрябли, под глазами четко обозначились рыхлые мешки. За трое суток не поручусь, но двое он не спал наверняка.

– С делом о разрезанном доме, – доложил я, демонстрируя полученную от Алимова папку. – Забрал. Это интересно. Образцы для экспертизы в машине. Кому прикажете передать дело?

С минуту полковник смотрел на меня воспаленным взглядом и, как видно, изучал во мне что-то, мне недоступное. Затем протянул руку за папкой, для чего-то прикинул дело на вес, молча запер его в стол и уже потом спросил:

– Без происшествий?

– Без, – ответил я и спохватился. Полковник Максютлов любит повторять, что истина зарыта в мелочах, и с этим тезисом я в общем согласен, а в частности – когда как. – Если не считать происшествием землетрясеньице на четыреста первом километре и ненормальную собаку.

Он немедленно потребовал доложить подробно. Выслушав, дважды кивнул, как бы подтверждая свои умозаключения.

– Укушенный – он кто?

– Некто Каспийцев, корреспондент «Уфо-пресс». Корреспондентской карточки у него не было, но я позвонил редактору и проверил.

– Эта «Уфо-пресс» – что, газета?

– Журнал, – объяснил я. – Стопроцентно шаманский и тем не менее довольно захудалый. Удивительно, но факт.

– Бывает и так, – равнодушно сказал Максютлов и помассировал виски. Поморщился, встал из-за стола, прошелся по кабинету, разминая ноги. – Ну, с этим ясно. А что Шкрябун? Отказался?

– Наотрез. – Я положил на край стола диктофон. – Здесь запись нашего разговора.

Максютлов не глядя подобрал диктофон, включил и несколько минут бродил по ковру взад-вперед, слушая. Потом ухмыльнулся неизвестно чему и с прищуром посмотрел на меня.

– Так себе удовольствие было, да?

– Пожалуй, – осторожно согласился я. – В общем, вполне понятные комплексы отставника. А в существовании архива я убежден.

Полковник зевнул, прикрыв рот.

– Почему ты так считаешь?

Я невольно втянул диафрагму. Всем в отделе известно, что полковник Максютлов «тыкает» либо любимчикам, либо тем, чьей работой он страшно недоволен и кого собирается загнать за Можай. И не одному из первых случалось пополнить ряды последних.

– Шанс вернуться в Нацбез, – коротко ответил я.

– Значит, есть смысл нанести ему еще один визит, так думаешь?

– Думаю, он придет сам. И довольно скоро.

– Завтра? Послезавтра?

– Возможно.

– А если не придет?

Я не ответил, сочтя вопрос риторическим, и правильно сделал.

– Подполковник Шкрябун сейчас будет здесь, – сказал Максютлов и, посмотрев на меня, остался доволен произведенным впечатлением. – Как раз перед тем, как ты вошел, я велел выписать ему пропуск. Вот так, Алексей. Поработал ты хорошо, хвалю. Так хорошо, что Шкрябун в одно время с тобой к столбу пришел, корпус в корпус. Признаться, не ожидал...

Вот оно как. Я чуть было не брякнул в ответ, что и сам, мол, не ожидал от клиента такой прыти, но это явно само собой разумелось. Что ж, побудем в шкуре старательного осла, это совсем не плохая шкура. Чересчур догадливых подчиненных начальство держит на дистанции и подставляет при каждом удобном случае.

А кто я такой на самом деле, спрашивается? Бывший догадливый, пригретый Максютловым из голого практицизма. После паскуднейшего прокола с задержанием корейского пресс-атташе – стрелочник и вечный капитан во второстепенном отделе с розовыми снами о следующим звании. Насчет осла можно еще поспорить, но факт: серый и старательный. Старательный, но серый, потому и верный. На важных направлениях начальство скрепя сердце терпит людей поумнее, а для рытья боковых штолен сгодится и такой.

– Товарищ полковник, разрешите задать вопрос, – решил я.

– Валяй, – легко разрешил Максютков. Он был доволен. «Уставшие, но довольные» – про таких, как он, сказано. Только уж очень уставший. И по причине не первого подряд «всенощного бдения» полусонный.

– Виктор Иванович Шкрябун нам действительно так уж необходим в качестве консультанта?

Полковник еще раз зевнул, крепко зажмурил веки и потер пальцами мешки под глазами.

– Извини, Алексей, спать тянет, черт... Что ты спросил? А, Шкрябун? Да как тебе сказать... Вреда от него не жду, понятно?

– Вполне, – ответил я.

В эту минуту в дверь постучали.

* * *

Они пожали друг другу руки. Не слишком тепло, скорее по-деловому, как бывшие коллеги, встретившиеся, чтобы решить не самый приятный для обоих, но насущный вопрос. Ладно и так.

Контраст. Оба невысокие и плотные, но один умученный службой, припухший и вяловатый, другой – загорелый сельский житель, раздобревший от размеренной жизни на молоке, яйцах и овощах, заметно привыкший к крестьянской размашистости в движениях, но в эту минуту скованный, скрывающий нервозность под напускным спокойствием. Хоть снимай на видео и демонстрируй курсантам в качестве зачетного задания по курсу психологического портрета.

И было заметно, что они знакомы друг с другом. Мало того: очень хорошо знакомы.

– Слушаю тебя, Виктор Иванович, – сказал Максютков.

Шкрябун покосился в мою сторону.

– Прошу с глазу на глаз. Пусть он выйдет.

– Он останется. – Максютков зевнул. По-моему, чуть-чуть напоказ.

– Тогда разговора не будет, – отрезал Шкрябун.

– Значит, не будет, – равнодушно согласился Максютков, возвращаясь к столу.

Совершив полуоборот кругом, Шкрябун немного помедлил. Затем решительно пошагал к двери.

Словно напрочь забыв о нем, Максютков перебирал на столе какие-то бумаги. Неужели так просто позволит уйти?

Дурацкая мысль. Нет, конечно. Понятно без слов всем троим. Какими бы утопиями ни тешил себя этот отставник, Нацбез – это навсегда. Как диагноз не чересчур опасной при выполнении всех предписаний врача, но все же неизлечимой болезни.

Уже взявшись было за дверную ручку, Шкрябун повернул назад.

– На, отметь пропуск.

Максютков размашисто подписал бумажку. Пришлепнул печатью.

– Ну?

– Тебе не я нужен, Носорог, – сказал Шкрябун, называя моего начальника неизвестной мне кличкой и исподлобья глядя ему в лицо. Меня он, очевидно, решил не замечать. – Тебе мои наработки нужны. Ты их получишь, но под гарантии. Я тебя хорошо знаю и, представь себе, к неприятностям готов. Можешь приказать взять меня прямо здесь – архива не получишь.

Я искоса взглянул на своего начальника. А ведь точно, похож. Не наличием рогов и копыт, так комплекцией и, когда надо, неудержимым напором. Плохо расти кустом на его дороге...

Носорог – это о нем. Это от души. За глаза его у нас еще Дубом зовут, но тупость тут ни при чем. Образ твердокаменного служаки с полным отсутствием какой-либо чуткости – это да. Наверно, ему так проще.

– Принял, значит, меры? – Максютлов едва заметно усмехнулся.

– А ты как думаешь?

– Ты мне тоже нужен, – возразил Максютлов. – В одном ты близок к истине: ты мне нужен раз в сто меньше, чем твой архив. Но нужен и ты, представь себе такую странность.

– Ты готов выслушать мои условия?

– Условия? – Максютлов пожал плечами. – А не слишком ли? Ну хорошо, назовем их, скажем, пожеланиями. Излагай, я слушаю.

У меня и то вертелась колкость на прикушенном намертво языке, но Шкрябун только глубоко вздохнул, покачал головой и, как видно, решил не спорить.

– Я возвращаюсь в органы в прежнем звании. Как ты этого добьешься, мне все равно.

– Только-то? – хмыкнул Максютлов.

– Согласен работать под любым началом, хоть под твоим. Но формирую свою группу с прежней тематикой.

На месте Максютлова я, наверно, повеселился бы от души над таким напором. Но он только пристукнул костяшками пальцев по столу и повторил:

– И только-то, спрашиваю?

– Что, мало?

– Да нет, хватит, – сказал Максютлов скучным голосом в разительном несоответствии с содержанием. Будто читал вслух предельно нудную бумагу, какой-нибудь никому не нужный акт ревизии пуфиков и балдахин на складах «Альков-сервиса». – Теперь слушай. Ты возвращаешься в Нацбез в прежнем звании, работаешь под моим началом и руководишь группой. Вытаскиваешь на свет божий своих паранормалов, кто еще жив. Более того: твоя выслуга не прерывается, ты получаешь денежную разницу за все время отставки плюс все надбавки и премиальные. Упоминание об отставке вымарывается из твоего послужного списка – будем считать, что эти годы ты выполнял важную аналитическую работу по заданию руководства. Устраивает?

Шкрябун непроизвольно сглотнул. Кажется, услышать это он ожидал менее всего.

Я, кстати, тоже.

– Ну и ну, – сказал он с прорезавшейся хрипотцой. – Тебе это под силу?

– Теперь – да.

– Давно ли?

Максютлов помедлил.

– Недавно.

– Большую силу взял, – с ехидцей покрутил головой Шкрябун. – А все еще, поди, полковник? Не восстановили?

– С сегодняшнего дня снова генерал-майор. Пока.

Ну и ну, на этот раз подумал я, стараясь не упустить ни слова. «Пока» – это как же понимать? Завтра генерал-лейтенант?

Дела...

Впрочем, если философски поразмыслить, никаких особенных дел чудесного свойства пока не наблюдалось, эти стены помнили настоящие чудеса-юдеса. Пока было ясно только одно: где-то вовне случилось что-то из ряда вон, и мне, старательному гм... ослику, предстоит в этом участвовать, или я не офицер Нацбеза и не ослик, а гренландский тюлень. Промышленный шпионаж – побочу...

– Ну и ну, – еще раз сказал Шкрябун. – Поздравляю.

– Согласен?

– Согласен при одном условии.

– Не много ли условий, Виктор Иванович?

– Последнее. Ты даешь мне свое слово.

– Вот как? – По-моему, Максютков удивился. – А оно тебе нужно?

– На всякий случай. Когда-то я тебе верил. Может, тебе еще и сейчас можно верить. И копал под меня не ты, знаю... архангелом не был, но и друзей ради своей шкуры не топил. Короче: если обманешь старого наивного дурака, я хочу тебе потом в глаза посмотреть, Носорог.

– Как сказал, так и будет. Слово. – Только что Максютков был серьезен и вдруг широко улыбнулся. – Даю слово Носорога, Кайман. Доволен?

Шкрябун кивнул. Теперь улыбались оба.

– По рукам, подполковник?

– По рукам, генерал... товарищ генерал-майор.

– Отставить, Виктор Иванович. К делу – завтра, а сегодня без официоза. Пока не восстановили, буду тебе каждый день выписывать пропуск, а дрючить в случае чего буду как кадрового. Но завтра. Где переночевать в Москве найдешь?

– Не вопрос.

– Сутки на устройство личных дел тебе дать?

– Нет.

– Алеша, – повернулся ко мне Максютков, – сделай доброе дело, налей нам коньячку. Вон там, слева, дверца. Сам знаешь? Вот и молодец. Себе тоже налей, тебя наши дела прямо касаются.

Я выполнил просимое. В зеленом свете настольной лампы янтарная жидкость лгала, пытаюсь казаться темнее, глубже и загадочней.

– А лимончика у тебя нет, генерал? – спросил Шкрябун, в ответ на что Максютков развел руками. – Что же ты? Непорядок.

– Будет тебе порядок, все будет. И бардака будет сколько угодно, только разгребай. И дело будет. – Он чуть приподнял бокал и добавил торжественно: – За дело. За успех. За НАШ успех.

– Прозит. Алаверды. Чтоб ты так жил.

Зря Шкрябун скалился и привередничал: коньяк оказался хорош и без лимончика. Не достигнув желудка, всосался прямо в пищевод.

Повторить Максютков не предложил, и я составил бокалы на поднос, а поднос затолкнул обратно в бар. Надо иметь к себе уважение, я не посудомойка.

– Спасибо, Алексей, – сказал Максютков и, тут же забыв обо мне, повернулся к Шкрябуну. – Ну, Виктор Иванович?

– То есть? – спросил тот.

– Ты меня знаешь, но и я тебя знаю. Доставай уж, не томи. У тебя все с собой или только часть?

– Часть. – Шкрябун полез во внутренний карман. – На этой дискетке примерно двести мегабайт. Остальное завтра.

– Тайник-то хоть выбрал надежный? – фыркнул Максютков. – До завтра не уведут?

– Обижаешь, гражданин начальник...

Насколько я мог видеть со своего места на галерке, к дискетке был примотан скотчем небольшой предмет.

– Только осторожно, – предупредил Шкрябун.

– Что за дрянь ты сюда прилепил?

– Сорок граммов пластита и контактный взрыватель. Ронять не рекомендуется.

Максютков крякнул.

– Вот дурак же. Толкни тебя кто посильнее – мошонку снимали бы с люстры, и поделом. Кстати, как ты эту хреновину в Управление пронес?

– Учи ученого. – Шкрябун самодовольно улыбнулся. По-видимому, ничто человеческое было ему не чуждо, включая мелкое тщеславие.

– На, – буркнул Максютов, возвращая дискетку. – Разряжай сам свою адскую машину, бомбист хренов. Тоже мне, выискался Равашоль с Валдая. Или, может, мне минера вызвать?

– Зачем минера? Я сам. За твой стол сесть позволишь?

– Ты мне еще мебель попортить... Ладно уж, садись.

Под зеленым абажуром пальцы Шкрябуна исполнили быстрый и точный танец. Брусочек пластита вернулся в карман, полоска скотча полетела на пол.

– Готово. Получай, генерал.

– Ты гляди-ка, – сказал Максютов, изображая удивление. – Не разучился.

– Старый конь борозды не портит.

– Ну-ну. Понадобится что-нибудь разминировать – свистну тебя.

Шкрябун не принял шутки.

– Если крутишь мною... – проговорил он, помолчав. – Я тебе поверил, Толя, ты это помни. Сейчас – поверил. Но если обманешь меня, я к тебе с того света являться буду, и это ты тоже помни. Скажи мне еще раз: я тебе правда нужен?

– Надоедой ты стал, Кайман, – недовольно пробурчал Максютов. – Сам сказал: старый конь борозды не портит... Правда, иной раз требует хлыста и ветеринара. Так что изволь пахать, беру тебя не для мебели и не из благотворительности, понял?

– Понял, – поднялся из-за стола Шкрябун. – Ну, коль нужен, спасибо не говорю. Когда прибыть?

– Завтра в одиннадцать ноль-ноль. Вернее, уже сегодня. Тебе хватит времени?

– Более чем.

– Тогда не опаздывай. Ты теперь на службе.

* * *

– Поздравляю вас, товарищ генерал-майор, – сказал я, чуть только за Шкрябуном захлопнулась дверь.

Максютов только махнул рукой и распахнул рот в отчаянном зевке.

– Брось, Алексей. Мне дали то, чего не могли не дать, самый необходимый минимум. Не надо сейчас... – Он снова зевнул и потер глаза костяшками пальцев. – Черт, умучил меня Шкрябун со своими комплексами, а тут еще этот коньячок... Совсем засыпаю. Вот что... Пойдем-ка мы с тобой немного постреляем, а? Нет возражений?

– Нет, товарищ генерал.

– Э, оставь... Уж коли сегодня без чинов, так без чинов. А поговорить нам есть о чем... Пошли?

– Пойдемте, Анатолий Порфирьевич, – сказал я.

– Вот так-то лучше.

В тире номер шесть на минус четвертом этаже немолодой и неразговорчивый прапорщик, сделав запись в журнале, подвел нас к стенду с оружием.

– Выбери, Алеша, – пригласил Максютов.

Сам он предпочел американский «кольт» образца 1917 года. Я выбрал два пистолета: длинноствольный спортивный «марголин» и чуть более тяжелую бронебойную «гюрзу».

– По-македонски хочешь? А не осрамишься?

– Постараюсь, Анатолий Порфирьевич.

Прапорщик выдал мне обоймы, со стуком высыпал на пластмассовое блюдечко горсть тупоносых патронов к «кольту» и ушел к себе в звукоизолированную кабинку. Мишени осветились.

– Ну валяй. Две крайние слева – твои.

Я положил в свои мишени по три пули из каждого ствола. Максютов, сощурился, отчего тот вовсе утонул в отеке, посмотрел в монокуляр.

– Левая – девятка на два часа и две восьмерки на пять и на шесть часов. Правая – семерка на десять часов, пятерка на час и «молоко». Ты случайно не переученный левша?

– Нет.

– Значит, перестраховываешься: больше внимания левой руке. Ну а я по-простому...

Бах! Бах! Бах! Не более секунды на один выстрел.

– Две десятки и девятка на одиннадцать часов, – огласил я, в свою очередь приложившись к монокаму.

– Значит, не так уж устал, – прокомментировал Максютов. – Я думал, будет хуже.

Плохо он о себе думал. Я-то знал, что мало кто в Управлении мог соперничать с полковником Максютовым по части виртуозного владения любым ручным оружием. Стрельба была его страстью и единственным хобби, он даже немного стеснялся и, бывало, подшучивал над своей мнимой аномальностью. Однажды он заключил пари на то, что с трех выстрелов «кокнет» двойным рикошетом от потолка и стены упрятанную глубоко под мишенью осветительную лампочку, и выиграл.

Бах! Теперь он выстрелил с локтя. На всякий случай я протер замшей окуляр.

– По-моему, «молоко», товарищ ге... простите, Анатолий Порфирьевич.

– Оставь в покое эту трубу, – хмуро сказал Максютов. – Мы что, упражняться сюда пришли? Ты давай стреляй, да не так быстро. Расстреляешь обоймы – возьмешь у прапора новые. Понял?

– Понял, Анатолий Порфирьевич.

– Вот и молодец. Начинай.

Бах!

Я ожидал чего-то подобного. Максютов страховался, не решившись говорить о главном в своем кабинете. «Жучок» в тире сам по себе уже из разряда маловероятного, а если к тому же учесть тот факт, что нынешние ультрачувствительные звукодатчики, улавливающие все, вплоть до дыхания, стука сердца и прочей физиологии, имеют скверную привычку «глохнуть» на пять-десять секунд после звуков, превышающих некоторый децибельный барьер, лучшего места для частного разговора было не найти.

Ба-бах! Загуляло и смолкло эхо. Этот тир был самым подходящим для разговора, не предназначенного для посторонних ушей, самым старым и шумным в здании, здесь уже не первый год собирались учинить ремонт, радикально улучшив звукопоглощающее покрытие.

– Ты не воображай себе невесту что, – сказал Максютов, ковыряя мизинцем в ухе. – Санкции на ознакомление с информацией сотрудников у меня пока нет, это ты правильно догадываешься. Но будет, – уверенно добавил он и прицелился. – Никуда они не денутся. Вот только время не станет ждать, пока те муда... пардон, мудрецы наверху раскачаются...

Ба-бах!

– Нештатное применение космического оружия – версия для ретивых журналистов из второсортной прессы, – добавил он, неизвестно для чего приложив глаз к окуляру. – Им ее и подбрасывать не надо, сами ухватятся и будут обсасывать со всех сторон, пока обывателю не надоест читать. Нас это должно устроить. Ну а ты сам-то, Алексей, что по этому поводу думаешь?

Бах!

– Еще не знаю, – честно признался я.

– Молодец, что не спешишь с ответом. Ты стреляй, стреляй... Даю наводящий вопрос: что тебе сегодня... то есть вчера, показалось наиболее странным?

– Характер разрушений, – сказал я, утапливая пальцем спусковой крючок. От отдачи «гюрзы», придуманной для пробивания бронежилетов, заныла кисть.

Максютов отмахнулся от моей гильзы, как от мухи. Поморщился, на секунду став похожим на только что разбуженного, очень недовольного байбака.

– Вот что... Встань-ка лучше справа... Гм. Характер разрушений, говоришь? Ошибаешься, это как раз не есть самое странное. Страннее другое: землетрясение, например. Ни в Москве, ни тем более в Карпатах, более того, по всему миру никаких сильных сейсмических наблюдений, это совершенно точно. Ты не удивлен, что я в курсе?.. Правильно делаешь, мы из сейсмологов душу вынули. Так вот: сейсмостанция в Москве весь день фиксировала лишь обычные фоновые сотрясения. В Клину – та же картина микросейсмических. В Твери отмечены крайне незначительные колебания почвы. По тому, что ты почувствовал сам, сила толчков на четырехста первом километре, вероятно, не превышала трех баллов по Меркалли. А по тому, что произошло на перегоне Бологое – Угловка, можно предположить все восемь. И это при том, что от одной точки до другой менее десяти километров! – Ни с того ни с сего Максютутов непристойно выругался и послал в мишень следующую пулю с каким-то особенным садизмом. – Блин, чисто местный, локальный феномен непонятного происхождения! Сейчас там кое-кто копается, но голову даю на отсечение: ни хрена не выкопает. Геологи божатся: никаких подземных пустот, которые могли бы обрушиться, вызвав толчок, в тех местах не водится, сдуру намекают на военных. Но сам понимаешь: не ядерный же заряд рванул под Октябрьской дорогой, не полигон как-никак! Притом по затуханию волн кое-что уже подсчитано: гипоцентр находился чуть ли не на земной поверхности. Выходит, прямо на путях перед электричкой, где ехал этот твой укушенный корреспондент, как там его...

Бах!

– Дмитрий Каспийцев.

– Именно. Дмитрий Каспийцев, который ехал через Угловку в Языково. И попал в эпицентр землетрясения. Затем грузовик, на котором он добирался до места, завяз на проселке в грязи – в такую-то сушь! Затем бедняга был покусан. А скандальная неоперативность опергруппы со следственной бригадой – это что? Случайность? Разгильдяйство?

Я понимал, куда он клонит.

Бах!

– Ну а сломавшийся мотоцикл Шкрябуна? А рухнувший мост? Тоже случайность? Допустим. Мост мог подгнить, а старые драндулеты иногда ломаются сами по себе. А отсутствие проникновения в развалины со стороны местного населения? К разрушенному дому могли приблизиться сотни человек – хотя бы из чистого любопытства, не говоря уже о соблазне помародерствовать, – а нам точно известны всего двое: местный зоотехник, перелезший через забор, но не решившийся подойти к дому, и фотокорреспондент «Валдайских ведомостей», который, по его словам, даже не попытался сделать эффектный кадр с близкого расстояния. Не странно ли?

Выходит, того фотографа уже разыскали, подумал я. Не вяло взялись. Серьезное затевается дело, если даже замшелый пенсионер Шкрябун оторван Максютутовым от окучивания картошки и реанимирован в звании подполковника. По всему видно, и мне не избежать участия во всем этом... Не люблю потустороннего, а куда деваться? Капитан Рыльский, апорт!

Бах! Ба-бах!

– Короче говоря, место происшествия обладает странным свойством: оно не желает подпускать к себе людей, во всяком случае, в течение первых двух-трех суток. И вот этой-то странности ты, мой мальчик, не захотел заметить, – уколол Максютутов.

– Я заметил, – возразил я.

– Заметил, но не решился доложить? – Не сводя с меня глаз, Максютлов на ощупь ловко заряжал барабан «кольта». – Не топи себя, Алексей. Это намного хуже, но в данном конкретном случае я готов тебя понять. Не нашел слов, ведь верно? Дал начальству самому сделать выводы, побоялся выказать себя мистиком-идиотом? Тоже очень понятно. – Он чуть усмехнулся. – Строго между нами, я и сам никак не привыкну, только в тире и можно об этом спокойно поговорить, а в кабинете – неловко как-то...

Я улыбнулся, показывая, что оценил его шутку.

– На первый случай прощаю, – произнес он. – Ты почему не стреляешь – все высадил? Тогда сходи возьми еще пару обойм.

Я сходил, а когда вернулся с двумя заряженными стволами, Максютлов спросил:

– Ты что-то хочешь сказать, Алексей?

– Так точно, – выдохнул я. – Лично мне ничто не помешало прибыть на место.

– Это верно, – легко согласился Максютлов и неудержимо зевнул, не донеся ладонь до рта. Несколько раз с усилием моргнул, приминая одрябшими веками подглазные мешки. – Верно: тебе не помешало, Алексей. И это большая удача, не зря я тебя послал. На всякий случай скажу тебе, если ты еще не понял: именно поэтому я с тобой сейчас и разговариваю. Цени.

– Спасибо, Анатолий Порфирьевич, – пробормотал я.

Никакой особенной благодарности я не чувствовал, скорее наоборот. Подчиненный может предполагать себе, что ему вздумается, но начальство располагает, и точка. Не нравится – иди торгуй диванами в «Альков-сервисе» или найди себе любую другую нормальную работу. Ведь еще не поздно...

Отчего-то в последнее время подобные мысли стали посещать меня все чаще. Пытаясь отогнать их, я высадил в издырявленную мишень одну за другой сразу три пули из «марголина» – не уверен, что мимо «молока», зато от души.

– Рано благодаришь, – осадил Максютлов. – Не стану тебе ничего обещать, но если дело сдвинется... Вот что... Кому посоветуешь передать твою группу?

Так я и думал.

– Саше Скорнякову.

– Не молод ли?

– Вся группа три человека, – напомнил я. – По «Квазару» работу практически закончили, среди технологов чисто. Образцы крал и передавал цеховой рабочий. Разработка по «Сириусу» только начата, однако значительных затруднений не предвижу. Плюс кое-какая мелочь. Скорняков потянет.

Максютлов молчал целую минуту – как видно, успевая размеренно постреливать по мишеням, одновременно натужно ворочал в голове неизвестные мне мысли, тяжкие, как гранитные надолбы. Одно было ясно: и вороватый рабочий, и опытные образцы новейшей волоконной оптокерамики, попавшие в лапы концерна «Сименс», интересовали его сейчас весьма мало.

– Ну, Скорнякову так Скорнякову, – решил он наконец. – С этого момента ты, Алексей, формально уходишь в резерв, фактически же будешь заниматься совсем другим. Догадываешься чем?

– Догадываюсь. – Изобразить из себя окончательно лопухого осла тоже не стоило.

– Вот и ладно. Тема пока существует неофициально. Отчитываться в результатах будешь только передо мной. Повтори.

– Отчитываться только перед вами, Анатолий Порфирьевич.

– Свои образцы сдашь Борису, он здесь и ждет. Сколько тебе нужно времени, чтобы просеять двести мегабайт?

– На «Большой Считалке»?

– На своем чипе.

Я прикинул.

– Сутки.

– Всего-то? – Максютков с усмешкой качнул головой. – Добро. Прямо завидую: хоть сам беги дырывать голову и ставить чип... вприпрыжку. Вот что, Алексей: добавлю тебе на подзатыльник еще кое-какой материал от себя, ознакомишься. Что искать у Шкрябуна, поймешь сам. Так и быть, сутки тебе даю, потому что потом ты мне понадобишься свежим... Ты все высадил?

– Да.

– Тогда пошли запишем, – сказал он.

Опять послали – и я опять пошел. Только на сей раз хвостиком за Максютковым.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зря я предупредил Машу, чтобы рано не ждала, – было пять утра, а это в обычном понимании и есть рано. В такое время нормальные люди еще спят, тем более в воскресенье. И, между прочим, напрасно. Ибо по нынешней августовской жаре только в это время и можно было кое-как дышать вне кондиционированных объемов: асфальтовые реки улиц и озера площадей едва успели остыть, раскалившиеся за день бетонные коробки нехотя отдали лишнее тепло эфирным средам. На востоке, слабо просвеченный сквозь городскую дымку, занимался скудный серый рассвет.

Я ехал к себе в Кунцево и размышлял о странностях русского языка. Занимался рассвет. Чем это, любопытно знать, он занимался? Судя по его осторожной медлительности, решал тяжкую проблему: выкатить или не выкатить сегодня в небо размазанное городским смогом светило?

Пожалуй, лучше бы не выкатывал. На домашний кондиционер я еще не накопил.

Тишины, конечно, не было – где в мегаполисе бывает тишина? когда? По улицам с шуршанием носились машины, пока редкие. Ранний пустой трамвай, уродливый и угловатый, как допотопный бронепоезд, удравший с запасного пути, со скрипом и скрежетом взял поворот в восемь румбов. В пыльном скверике два щуплых милиционера воспитывали «демократизаторами» орущего пьяного богатырской комплекции, приплясывая и ловко уворачиваясь от его громадных ручищ. Лет десять назад я, наверно, остановился бы посмотреть – это и впрямь выглядело забавно.

Не врал Екклезиаст: «Что было, то и будет». Пожалуй...

И все-таки если можно получить удовольствие от езды по московским улицам, то лишь на стыке ночи и утра: трассы почти пусты, толп нищих на тротуарах еще нет – не их время. Лишь некоторые, согнанные конкурентами с благодатных мест, с ночи занимают позиции возле подъездов многоквартирных домов в расчете на полусонную психологию ранних пташек: в девяти случаях из десяти приставалу матерно обложат, но уж один раз подадут щедро. Пьяный и не вполне проснувшийся – близнецы-братья.

Возле моего подъезда в многоэтажке, выпирающей углом на улицу Алексея Свиридова, знакомый приставала – потертый мужчинка с сизым похмельным мурлом – проводил меня сумрачным взглядом, сплюнул вслед, но клянуть денег на сей раз не дерзнул, понимая, что опять напорется на «работать не пробовал?». Впрочем, что я могу о нем знать? Может, и пробовал когда-то. Между нами говоря, все эти президентские программы борьбы с люмпенизацией населения мало чего стоят, а почему так получается – не знаю. Однако люмпенов не убывает, это точно.

А этот к тому же неумный. Если бы встал днем в центре перед любым модным магазином с картонкой «Подайте на чип!» – имел бы успех. На чип не наклеил бы, а на опохмел – запросто.

Неслышно отомкнуть дверной замок. Тихонько снять обувь, осторожно, чтобы не скрипнула дверь, заглянуть в спальню. Так я и знал: Маша опять спала вместе с дочерью. Она часто делает так, когда я забываю явиться домой ночевать. Днем она покрикивает на Настьку, а вот ночью... Закрыть глаза и чувствовать рядом с собой тепло своего ребенка, просто чувствовать, не видя его лица, забыв на недолгое время о проклятой сорок седьмой хромосоме...

Это приятно, наверно.

Может быть, нам следовало завести второго ребенка. Маша не захотела, при моих намеках сразу замыкалась наглухо, уходила в себя. Я не сразу ее понял. Одно дело знать из книг и от врачей, что болезнь Дауна случайна, а не наследственна, что второй ребенок почти наверняка родится нормальным здоровым младенцем, и совсем другое – каждый день слышать лепет

олигофрена, видеть эти вздутые щеки, этот вечно высунутый, не помещающийся во рту язык... И винить себя, только себя.

Мне кажется, Маша не поверила ни врачам, ни книгам.

Мы не отдали дочь в платный приют – не захотели, да и не смогли бы, наверное. Ни я, ни Маша. Нас не уговаривали, нам, вопреки очевидному профиту приюта, старательно объяснили, что дети с болезнью Дауна обычно контактны и доброжелательны, уход за ними несложен. И это оказалось правдой. Трудно не любить своего ребенка, каким бы он ни был. Не прощать Настьке выходок, значения которых она не способна понять, не играть с ней, не покупать шоколадных батончиков...

Вот только второго ребенка мы так и не завели.

Есть хотелось зверски. После вчерашних гамбургеров из «Госснаба» во рту у меня не было маковой росинки. Я поспешил на кухню, вскрыл первую попавшуюся под руку жестянку, с хлюпаньем умял некоего гада в томате, запил растворимым кофе и почувствовал себя лучше. Теперь можно было приняться за дело.

Что я и сделал, перетащив в кухню кресло и размешав в чашке еще одну порцию кофе, на этот раз без сахара.

Возникающее от записи на чип гигабайтных массивов чувство легкого отупения, которое, впрочем, сравнительно быстро проходит, мне сейчас не грозило. Двести с довеском мегабайт информации – не объем. Давая мне задание, Максютлов прекрасно понимал: на любой мыслимый анализ столь скромного массива данных мне скорее всего потребуется восемь-десять часов. В самом крайнем случае пятнадцать, но уж никак не больше.

«ЧИППИ!»

Шар холодного огня раскрылся, рассыпая карточки. Тысячи карточек. Ни одна не имела шанса ускользнуть от внимания, я видел их все и мог читать до полусотни одновременно. Это предел, мой «потолок». За полтора года чип в моем черепе превратился в сильно устаревшую модель, над которой теперь снисходительно посмеиваются владельцы того же CROWN'a-VL-2100, – а зря. Глупцы и пижоны не возьмут в толк, что предел возможностей определяется мозгом. Каков бы ни был кнут, увечную клячу не превратить ни во владимирского тяжеловоза, ни тем более в фаворита стипль-чеза.

Честное слово, это радует...

Сумасшедшая пляска карточек. Не калейдоскоп, не осенние листья на ветру – нечто иное, чему нет названия ни в каком человеческом языке, что невозможно описать словами... Ага, вот что подсунуто мне... Так я и думал. Для простой вводной, пожалуй, многовато.

Катастрофы, причем – странные катастрофы. Странности без катастроф. Необъяснимые явления. Известные миру и нет. И все это с приложением документов, фотографий, заключений комиссий всех мастей, показаний свидетелей, протоколов допросов обвиняемых по уголовным делам!

Ага.

Если нынешнее дело о разрезанном доме и... гм... некоторых странностях с людьми и животными не лежит в том же ряду – пишите меня на кусочки, четвергуйте! Укусив предварительно той же собакой!

В юности я не задумываясь выложил бы год жизни в обмен на такую вот подборочку материала, не вошедшего в пестрые бульварные сборники о великих тайнах бытия. Чуть позднее – поторговался бы. Теперь же предстоящая работа не вызывала во мне ничего, кроме желания сделать ее точно, скрупулезно и чем скорее, тем лучше.

Первым делом я отметил, что массивы данных Шкрябуна и Максютлова во многом пересекаются. По сколько-нибудь необычным катастрофам последних лет – полностью. Почти все, что было в подборке второго, наличествовало и у первого, но у Шкрябуна имелось еще многое сверх того. Зато в материале Максютлова явственно прослеживалась внутренняя логика, кто-

то как следует поработал с данными, отбросив лишнее. «Меньше знаешь – крепче спишь», – верно сказано, и, кажется, генерал-майор Максютков имел намерение сбросить мой сон.

Я не стал гадать, что бы это значило. Главное, начальство, по-видимому, не имело пугающего намерения упечь меня в высоколобые аналитики, что само по себе было отрадно, а в остальном – прорвемся...

Поискав, от чего бы я мог оттолкнуться, я нашел один случай. Поселок с чудесным названием Клин-Бильдин Зарайского уезда Московской губернии, 17 мая нынешнего года. Приблизительно в 10 часов утра ВЕСЬ (подчеркнуто) персонал уездной психиатрической больницы, от главврача до уборщицы, по неизвестной причине покинул здание больницы в состоянии ярко выраженной паники. В давке, возникшей на лестнице, санитар Безуглый получил травму лица. Опрос участников бегства не дал результатов: ни один человек не сумел сколько-нибудь внятно объяснить, что послужило причиной столь постыдного поведения. Примечательно, что спустя пять-десять минут большинство фигурантов происшествия вернулись в здание и более не ощущали ничего необычного, кроме вполне понятной неловкости. Примечательно также, что ни один из больных, независимо от диагноза, не принял участия в массовом забеге врачей, медсестер и санитаров, за исключением некоего гражданина Васина, впоследствии разоблаченного как симулянт шизофрении. В прессе инцидент не освещался, местные власти интереса к происшествию не проявили, экспертная группа не выявила никаких физических аномалий в здании больницы и его ближайших окрестностях.

Это было уже кое-что. Во-первых, чем-то похоже на «недопущение посторонних» в Языково. Во-вторых, теперь я знал, что тема существует как минимум три месяца. Поискав по карточкам, я увеличил этот срок до пяти месяцев.

Стало быть, март. Пять месяцев назад, в марте нынешнего года, внимание кого-то в Управлении привлекло необычайное увеличение количества необъяснимых катастроф и просто странностей. Возможно, это началось и раньше, но по материалу Максюткова получалось: первый случай расследования происшествия Нацбезом – десятое марта.

Случилось же вот что: самолет «Ту-204» компании «Российские авиалинии» совершал рейс Омск – Казань, имея на борту 163 пассажиров. На втором часу полета значительное число пассажиров стало, очевидно, жертвами массовой галлюцинации невыясненного происхождения. Говоря короче, большинству пассажиров померещилось одно и то же: самолет, летевший в тот момент где-то над Уралом на высоте 10 500 метров, внезапно лишился плоскостей. Ни с того ни с сего. Результат: два сердечных приступа, причем один из них со смертельным исходом, последовавшим в казанском аэропорту. Возникшая паника была отчасти ликвидирована действиями экипажа, отчасти утихла сама собой, ибо очень скоро выяснилось, что «бескрылый» авиалайнер, как ни странно, не проявил желаний устремиться к земле на манер утюга, а преспокойно продолжал горизонтальный полет и в конце концов благополучно приземлился там, где ему следовало.

Массовая галлюцинация продолжалась не более одной-двух минут. Под прикрытием начатого дела о попытке теракта (распыление галлюциногена, как же!) следственная группа УНБ тщательно поработала со свидетелями. Все они показывали примерно одно и то же, разница заключалась лишь в мелочах. Один пассажир, например, уверял, будто видел торчащий из фюзеляжа рваный обломок левой плоскости длиной примерно до консоли двигателя, в то время как другие божились, что оба полукрыла были-де сбиты заподлицо. Наконец, три пассажира с некоторым смущением заявили, что не наблюдали вообще никаких видений. Двое из них спали и были разбужены паникой в салоне, строго говоря, их показания были сомнительны; место же третьего, отнюдь не спавшего, как выяснилось, находилось возле иллюминатора как раз над крылом!

По его признанию, он также испугался – и очень, очень сильно. Испугался не видения, которого, хоть тресни, не наблюдал, – испугался паники на борту, когда полторы сотни обе-

зумевших пассажиров по непонятной ему причине вдруг начали вопить, вскакивать с мест и бешено рваться в проход!

Итак, Нацбез начал присматриваться к странностям минимум пять месяцев назад. А что же капитан Рыльский? Продолжал себе старательно копать свою тему и думать не думал о том, что кого-то в УНБ интересуют потусторонние чудеса с отчетливым душком мистики. Ну разве что отметил фразу, недавно услышанную от комментатора по ящику: мол, число разнообразных катастроф во всем мире значительно увеличилось за последние один-два года...

А оно и должно расти, между прочим! Обыкновенная матстатистика: больше самолетов – больше падений. Больше домов – больше мест, куда самолетам не следовало бы падать. Больше ядерных электростанций – больше аварий с выбросами радионуклидов или без оных. Больше автомобилей – больше работы травматологам, а что до всяческих мер безопасности, то они, как известно, не панацея...

Обсасывать свои соображения подробно я не стал – и без них непонятного было предостаточно. Во-первых, значение, придаваемое Максютовым этой теме, в принципе более подходящей для МЧС, нежели для Нацбеза. Да что там Максютов – бери выше! Кто без достаточных оснований позволил бы Максютову сорить подполковничьими званиями? Пока было ясно одно: на этом деле с равным успехом можно и выдвинуться, и очень больно расшибить себе нос, а то и вовсе переломить шею. Да так, что история с корейским пресс-атташе, пожалуй, покажется легкой царапиной.

Кого же еще подставить в случае неудачи, как не бывшего стрелочника? Не стоять под грузом невозможно, при том что Максютов – вряд ли надежная крыша. То, что и ему когда-то разменяли одну большую звезду на три поменьше, равным счетом ничего не значит. В качестве крыши он, пожалуй, спасет от дождя, но не от падающей сверху бетонной плиты. Как там пели на былой войне танкисты о самоходке «Су-76»: «Броня крепка, и тент над головою...»

Терпеть не могу предаваться унылым мыслям. Я просмотрел еще две-три сотни карточек и понял, что поспешил с выбором отправной точки. А поняв, заменил первую карту своего пасьянса.

Прорыв новенькой плотины Кожимской ГЭС, случившийся 29 мая сего года... А, помню! Об этом говорили по ящику и, кажется, писали в газетах, но немного: катастрофа не вызвала многочисленных жертв, водяной вал прокатился преимущественно по малонаселенным местам, смыв по пути золотодобывающую драгу с дежурной сменой, но не причинив особого вреда поселкам, расположенным много ниже по течению. Что ж, бывает. И плотины иногда рушатся сами по себе, хотя обычно строятся с запасом прочности, позволяющим выдержать близкий ядерный взрыв. А вот интересная информация: спасатели из МЧС, представители местных властей и экспертно-следственная группа УНБ прибыли на место катастрофы практически одновременно 22 мая, когда вода уже размывла все, что могла размывать, и чаша водохранилища опустела. Почему такой срок? И почему ни в уцелевшем турбинном зале, ни в диспетчерской, ни где-либо поблизости спустя трое суток после катастрофы не оказалось ни одного человека, а разбежавшихся после прорыва свидетелей пришлось разыскивать и доставлять на ГЭС едва ли не силой? Почему один доблестный вохровец, здоровый, сильный мужик, считавшийся пропавшим без вести и, вероятно, погибшим в катастрофе, был задержан в состоянии полной невменяемости в поселке, отстоящем от плотины на семьдесят километров, а на допросе только плакал, поскуливая от ужаса, и лепетал о том, как ломился наугад сквозь тайгу? Почему мои коллеги выбрали для своей штаб-квартиры место в трех километрах от объекта их интереса? Что, поближе ничего не нашлось? Наконец, случайно ли эксперт майор Будкин оступился при осмотре плотины и на ровном месте сломал себе ногу?

А не кажется ли вам, капитан Рыльский, что все эти факты навязчиво напоминают вам нечто весьма и весьма знакомое?

Ох, не говорите...

Более того, анализ обломков бетона из тела плотины (тех немногих, что к моменту прибытия группы еще могли представлять какой-то интерес) привел экспертов к парадоксальному заключению, полному недомолвок и уверток, но в своей основе признающему факт: часть тела плотины, вероятно цилиндрической формы, была неизвестным, но аккуратнейшим образом вырезана и изъята, после чего из-за ослабления сечения прорыв произошел почти мгновенно и вода довершила размыв.

Черт знает что. Словно какой-то сверхмогущественный малолетний хулиган внезапно пробудился от спячки, взял папину бритву и пошел шалить – высунув от усердия язык, кромсать занавески, обои и все, что подвернется под руку... А чтобы было веселей, решил понаставить рогаток на пути тех, кто хочет (мечтать не вредно, правда?) поймать его за руку, отшлепать и поставить в угол.

Есть тут, правда, одно немаловажное уточнение: некоторые люди – их очень мало – не замечают рогаток...

А ведь Максютов прав, подумал я. Правда, очень уж несерьезно все это выглядит, прямо какая-то зловещая и зловредная чертовщина, но... Но! Общественная практика, которая, как известно, заодно является критерием истины, упрямо тычет носом: тут есть нечто, копай. Я-то добрался до Языкова легко! Правда, на третий день – интересно, каково бы мне было на первый? Но ведь не бодрился я, тщательно скрывая дрожь в коленках, как Алимов! Не устраивал истерик, как парнишка-проводник, не кусал заезжих корреспондентов, как его овчарка! Между нами говоря, вообще не чувствовал никакого дискомфорта. А ведь странная чертовщина, подействуй она и на меня, многое могла бы со мной сотворить, дабы не совал любопытный нос! Спихнула бы меня в кювет по дороге, например. Для силы, устраивающей природные катаклизмы, что может быть проще? Не вписалась бы со мной в поворот на трассе – и привет, носите гостинцы в госпиталь, если не цветы на могилу. Шарахнула бы локальным землетрясением не в шутку, а всерьез, как этого Каспийцева. Наконец, подавила бы животным ужасом, заставила бы бежать без оглядки, наплевав на задание Максютова... Почему бы нет? Человек без нервов – это художественная метафора, нет их ни в природе, ни в Красной книге...

А что, собственно, со мной имело место? По минутам. Из шара холодного огня я вытащил свою вчерашнюю поездку и прочувствовал все снова – в ускоренном темпе, а избранные моменты в реальном времени, по минутам. Всегдашняя автомобильная «пробка» у Белорусского вокзала, выхлопные миазмы, гладкое скучное шоссе, дурацкий рекламный щит возле придорожной кафешки с не менее дурацким названием... Ничего из ряда вон. Землетрясение – само собой, но вряд ли оно предназначалось нам обоим: Каспийцеву и мне. Занятно другое: сразу два человека в «Госснабе» – дама за столиком и хозяин – обратили на меня, незаметного человечка, внимание. Случайно ли?

Скорее всего да. Во всяком случае, недоказуемо.

Спустя полчаса я отвлекся от карточек и удивился сам себе: оказывается, я начал ощущать интерес к проблеме, чувствовал подъем и даже более того – знакомый, еще не совсем забытый зуд, подозрительно напоминающий энтузиазм!..

Я знал, что это не к добру. Но было приятно.

* * *

К восьми часам утра я полностью разделался с данными Максютова и переключился на Шкрябуна. Как и следовало ожидать, его массив оказался наполненным главным образом избранными сообщениями печати за последние пятнадцать-двадцать лет, сомнительными материалами, почерпнутыми из глобальных электронных сетей (вот уж ни минуты не сомневался, что в сельском доме Шкрябуна имеются компьютер и телефонная связь!), и тому подобным мусором, в какой только влезешь – тут же и увязнешь, как в тухлом болоте с лягушками.

Шкрябун даже не потрудился рассортировать материал как следует, с чего непременно начал бы любой новоиспеченный лейтенантик в отделе информации.

Я даже расстроился.

Ради какой великой задачи Максютлов смерть как хотел добыть весь этот невостребованный утиль? Поднимите мне веки, не вижу! Первое, что приходило в голову при взгляде на массив, – найти борзописца, чтобы скоренько настроил еще одну книжонку о великих тайнах, гонорар пополам.

Оставалось, правда, надеяться на то, что главное Шкрябун приберет на потом. В тайнике. И содержимое тайника, вероятно, рассчитано на самоуничтожение спустя определенное время. Шкрябун страховался, вываливая перед Максютловым хлам как демонстрацию готовности сотрудничать и требуя гарантий в обмен на большее. Я его понимал. Хочешь ходить по носорожьей тропе и не сгинуть под копытами – отращивай на спине броневые щитки, стань Кайманом...

Однако намек Шкрябуном был дан и мною понят. Часть карточек – на самом деле текстовых файлов – оказалась помечена. Самые старые карточки, возрастом до 1996 года, были помечены почти все. Дальше – меньше. Гораздо меньше. Надо было понимать так: «паранормальная» группа Шкрябуна работала своими методами по аномальным явлениям. По некоторым. По тем, что помечены. Или хотя бы пыталась работать. Более того: с частью своих рабочих объектов, всех этих телепатов, ясновидцев и прочих колдунов Шкрябун поддерживал связь и после разгона группы! Даже после своей отставки. Почему бы нет? Направление прикрыли как бесперспективное, о нем забыли. Кто может запретить пенсионеру заниматься любимым хобби? Что они там нашаманили – никому не известно. Тайна.

И за нее Максютлов готов платить.

Я не успел просмотреть и пяти процентов всего массива, как в туалете зашумела спускаемая вода, а потом, спустя полминуты – еще раз. Настьке это нравится. Вот сейчас дождется, когда бачок ватерклозета наполнится хотя бы на четверть объема, – и опять повторит...

Так и есть.

Ну и ладно. Пусть дергает ручку хоть целый день – главное, умеет пользоваться и, возможно, понимает смысл этого действия. Что ни говори, а ученье – свет. Особенно многолетнее. Как говорил мой школьный учитель, терпение и труд преобразуют любой предмет в мелкодисперсную субстанцию...

Мелкие нескладные шажки. Топ-топ-топ...

– Папа, – сказала дочь. – Папка плисол.

Я мучительно улыбнулся. Года через два у нее начнет округляться грудь, а она все туда же: «Папка плисол».

«Тесет лусей...»

Зафиксировав улыбку, я кивнул:

– Пришел, солнышко. Весь тут.

– Папка плисол, плинес няняку.

Ах да!

Хлопнув себя по лбу, я отдал ей «няняку» – уже изрядно подтаявший и помятый в кармане «сникерс», который я, разумеется, не сообразил положить в холодильник. Крепко зажав гостинец в кулачке, Настька принялась воевать с оберткой.

– Дай я помогу. И слюни вытри.

Она замотала головой. Если уж ей попало в руки что-нибудь вкусенькое – отнимешь только с боем.

– Ты что, с ума сошел?

Понятно. Маша тоже встала.

Я смотрел на жену, появившуюся в кухонном дверном проеме, и думал, что она красива даже такой: не подмазанной со сна, непричесанной и сердитой. Все еще красива. Пока еще. Несмотря ни на что. Даже скорбные морщинки вокруг глаз сейчас не были заметны – они становятся четче как раз наоборот, когда Маша улыбается.

Иногда она все-таки улыбается.

– А что тут такого? – возразил я.

– Сдвинулся, да? – Было ясно, что она готова сразу сорваться на крик, и непременно сорвется, стоит только чуточку подтолкнуть. – Гастрита ребенку захотел? Натощак – шоколадом! Совсем ума лишился. Вот теперь не станет есть завтрак – будешь сам ее кормить.

Миновало время, когда я стал бы возражать, убеждать и спорить. И очень хорошо, что миновало, потому что всякие никчемные споры «для сохранения лица», всякое выяснение отношений между нами всегда кончались ссорой и недельным молчанием, пока я не научился никогда не выяснять никаких отношений. Вместо этого я картинно набычился, состроил свирепую рожу и взревел не вовремя разбуженным медведем:

– Ах, вот так, да?!

Я сгреб обеих в охапку, поднял и потащил в гостиную. Настька с удовольствием завизжала. Маша отбивалась молча – у нее перехватило дыхание.

– Живота или смерти?

– Ох... пусти!

– А ну, кому тут устроить «полет в стратосферу»?

– Пусти, говорят тебе! Слон!

– Ага! – закричал я, сжимая сильнее. – А кто говорил: мелкий, мол? Слон! Будешь теперь каяться?

– Ой!.. Буду!

Я осторожно уронил на диван обеих: брыкающуюся супругу и радостно визжащую дочь. Маша тут же показала мне кончик языка:

– Слон, но мелкий. Карликовый.

Она уже посмеивалась.

– У Ганнибала были небольшие слоны, – блеснул эрудицией я. – Североафриканский мелкий подвид. Они теперь все вымерли.

– Вот ты такой и есть. Все еще капитан, и на тебе ездят.

Опять двадцать пять. Древняя песенка. Я было подумал, не сообщить ли жене в туманной форме о намеках Максютова на блистательные перспективы, но отложил на потом. На худший случай. Пусть это будет главной линией моей обороны, от которой пехота противника откажется в беспорядке, поредев наполовину.

А кто когда-либо сомневался в том, что супружеская жизнь – позиционная война?

Ну я, например. Это было очень, очень давно, когда курсант Рыльский бегал в самоволки ради чисто платонических (поначалу) встреч и был глуп соответственно возрасту. Но даже тогда, как я теперь понимаю, я выбрал Машу не за красоту – за редкий для красивой девушки отказ считать будущего супруга облагодетельствованным самим фактом обладания ею. Сами, мол, мы с усами. Вот и сейчас, раздумав ссориться, вытирая послоненным платочком перемазанные Настькины щеки, она принялась рассказывать мне о своих переводах: что сделано, а что нет, когда и сколько обещали заплатить и так далее. По-моему, вот где настоящая мистика. Ни ума, ни чипа не хватит, чтобы понять, кому в наше время и в нашей стране нужны переводчики с русского на эсперанто? Да и в какой бы то ни было стране кому нужен эсперанто, если есть пиджин-инглиш? Кто мешал Маше стать женою коммерсанта, продать себя оптом, стать выигрышным дополнением к чужому имиджу, вроде новейшей навороченной иномарки?

Прост ларчик: мы любили друг друга, вот и все.

А теперь?

Можно жалеть об упущенном – но поздно.

Можно отыгрываться на всех подряд, хотя бы иногда чувствуя удовлетворение.

Все можно. Нельзя только выбросить проклятую лишнюю хромосому...

И забыть о ней – нельзя.

– У тебя отпуск скоро? – спросила жена.

– Здравствуй! А в июле что было?

Она картинно сморщила носик.

– Неделя в подмосковном пансионате – фу-ты ну-ты... На море нас в этом году так и не вывезешь? Лето кончается.

Я вздохнул.

– Понятно, – сказала Маша. – Тогда, может, хоть сегодня куда-нибудь смотаемся? В лес или, еще лучше, к речке. Я не купалась давно.

– Мне поработать надо, – сознался я, разводя руками.

– Опять?

– Угу. Ты извини, ладно?

– Да чего уж. Работай, а я позавидую. Знал бы ты, до чего обрыдло быть домохозяйкой!

– Так ведь скоро уже. Или раздумала?

– Нет, – она помотала головой. – А то свихнусь. Слушай, а ты скучать по ней не будешь?

Пятидневка как-никак.

Терпеть не могу, когда в сотый раз обсуждают давным-давно решенное. Я только буркнул:

– Буду.

– А в том интернате правда хорошие дефектологи?

– Да. Я узнавал. Правда.

– Только дорого это...

– Ничего, – вздохнул я. – Как-нибудь вытянем. А на выходные будем забирать ее домой, ведь договорились.

– Тебе бы только от ребенка избавиться!

Так. И это уже не впервые. Господи, дай же что-нибудь: или ей логики, или мне терпения...

Злоба душит. Злоба!

«ЧИППИ, ПОДСКАЗКУ!»

За ним не заржавеет. Сто шестнадцать вариантов после первого отсева. Одиннадцать – после второго. Две десятых секунды на окончательный выбор.

– Я люблю тебя, Маша.

Оптимально. Мог бы и сам сообразить, между прочим!

Она фыркнула и передернулась, но уже оттаивала так же быстро, как вспыхнула. Только бы Настька не пролепетала что-нибудь некстати!.. Но ей было некогда: она заканчивала расправляться с батончиком.

– Ладно уж, боец невидимого фронта. Работай, но сперва с ребенком посиди.

– Она не помешает, – сказал я.

– А, понятно... Как-нибудь ночью выдерну из тебя чип и спущу в унитаз. Пусть эта дрянь канализацией управляет.

– Нельзя: он казенный.

– Он часть тебя. А ты – мой.

Чмокнув меня в щеку, Маша ушла на кухню готовить завтрак; для Насти же я включил телевизор и сделал звук погромче. По раннему времени из-за океана передавали прямую трансляцию футбольного матча, и это было хорошо. Насте все равно, что смотреть, главное, чтобы на экране что-то двигалось, и чем больше мельтешит, тем лучше. Комментатор почему-

то обозвал сборную Мексики потомками инков. Дурак. Это все равно что сказать: русские, мол, – потомки шумеров. Но что ему, комментатору?

За окном провыла электричка, отходящая от близкой станции. Я заставил себя отключиться от внешних звуков и вернулся к своим баранам.

Предположение о кампании массовой дезинформации отпадало сразу же. Во-первых, чересчур громоздко и сложно. Такого рода глобальные акты могут позволить себе разве что правительства не последних на этой планете стран, их спецслужбы или олигархические группировки. Во-вторых, кому и зачем понадобилось дезинформировать население столь невиданной небывальщиной? Причины и цели не просматриваются. В-третьих, одну из этих «дезинформаций» я наблюдал сам. В Языкове.

Нет, все же не зря меня когда-то заставляли тренировать память – без навыков я провозился бы втрое дольше. Вот почему, между прочим, упомянутые вчерашней дамочкой чипированные преступники не так страшны, как их малюет телевидение, а всяческие ограничительные законопроекты, вызывающие бешеную реакцию Комиссии по правам, вряд ли когда-нибудь будут рассмотрены в Думе, несмотря на очевидную выгоду для страны.

Потому что выгода эта не столь уж велика.

Очень скоро я наткнулся на совсем короткий файл, резко выпадающий из общей канвы. Этакое предостережение, занявшее бы всего полторы строчки на экране монитора, если бы я вздумал воспользоваться компьютером:

«НАДЕЮСЬ, ВЫ НАЙДЕТЕ ОТВЕТ. НО, ВОЗМОЖНО, ВЫ НАЙДЕТЕ НЕ ТОТ ОТВЕТ, КОТОРЫЙ ИСКАЛИ».

Пожалуй, так и есть.

Какое мое дело, собственно? Это предостережение адресовано не мне – Максютову.

Настька увлеченно смотрела футбол, иногда смешно взбрыкивая ногами – ей нравилось, как большие дяди толкают друг друга, чтобы пнуть мяч, и она ощущала себя среди них. Хорошо, что я не болельщик. На час-полтора я был в безопасности – а потом, если Маша не уведет дочь гулять в парк, уйду в Настькину спальню и там запрусь.

Наиболее древняя карточка датировалась октябрём 1928 года, когда двое норвежцев и один голландец независимо зарегистрировали задержанное радиоэхо на коротких волнах. Что-то я и раньше слышал об этом краем уха... Ага! Пять серий задержанных сигналов, бессистемная вариация величин задержек от 3 до 15 секунд... Позднее радиолюбители-коротковолновики – а в ту эпоху их было немало – отметили еще несколько случаев задержки сигналов. За экзотическим явлением даже начали было охотиться специально, однако после 1929 года никому больше не удалось надежно его зафиксировать. Карточка имела приложение: несколько попыток расшифровки «космического послания» от чужой цивилизации, якобы запустившей в Солнечную систему зонд с «обратным адресом», – шибко умные игры с цифирью поселяли братьев по разуму в созвездии то Геркулеса, то Льва, а то и Большой Медведицы, в зависимости от личных пристрастий игравшего. К приложению имелся комментарий Шкрябуна, краткий и совершенно нецензурный.

Согласен.

Перебирая карточки, я наткнулся на несколько кратких описаний землетрясений в районах, считавшихся прежде совершенно не сейсмическими – например, австралийский Ньюкасл, единичный мощный сейсм 1989 года. Во всех случаях эпицентр располагался едва ли не под самой поверхностью. Тут у меня был свой личный интерес, и я, прежде чем перейти к изучению других карточек, провел экспресс-поиск: не связаны ли данные катаклизмы с другими событиями из массива Шкрябуна?

Увы, безрезультатно.

Так... Этого мне не хватало. Целая куча файлов и файликов с описаниями наблюдений летающих тарелочек. Изредка – фото, как правило, плохого качества. Тексты – без коммента-

риев. Очень сухо, протокольно: где и кем был замечен НЛО, куда и с какой приблизительно скоростью двигался, как исчез (если действительно исчез, а не просто ушел из поля зрения). Особое внимание уделено небывало резким маневрам, коими летающая посуда издавна славится. Ну, это, пожалуй, пастбище тятнутого Каспийцева из «Уфо-пресс».

А странная подборочка... Во-первых, никаких гуманоидов. В принципе. Во-вторых, эволюции этих НЛО над раззявившими рты наблюдателями выглядели так, словно бы кто-то гонял по небу огромный солнечный зайчик. Сразу же вспомнился любимый уфологами термин «зануление гравитации», вздорность которого была ясна даже мне, не физику. Против «зануления инерционности» я бы, пожалуй, не возразил, ограничившись зубовным скрипом. Вот что сразу бросалось в глаза в этой подборочке: среди просмотренных мною свидетельств очевидцев не нашлось ни одного, из которого следовало бы, что имело место наблюдение материального тела, а не загадочного, но все же менее странного атмосферного явления. Несомненно, Шкрябун произвел определенный отсев.

В-третьих, количество наблюдений НЛО резко возросло в последние два года.

Я зафиксировал эту информацию и стал просматривать дальше. Голова шла кругом. Всякие нормальные мозги просто обязаны были возмутиться. Одно дело, вальяжно развалюсь в кресле, похмыкивая и похрюкивая от чужой дурасти, читать вздорный журнальчик, – а вы попробуйте получить такую вот базу данных в качестве основы для серьезной работы! Надо иметь особым образом устроенные извилины, чтобы не впасть от этого в беспросветное уныние.

Чудеса-юдеса, магии-фагии...

В Австралии фермеры застрелили кролика размером с корову. Этот монстр едва таскал свое тело и, казалось, не меньше людей был удивлен фактом своего существования. Из Конго вновь поступили сведения о страшном Чипекве, пожирателе бегемотов. В Шотландии выбросился на мель кашалот с двумя хвостами.

Бавария, Ульм. Некий благоприличный немец был необъяснимым образом перенесен из сауны, где в компании друзей расслаблялся после трудового дня, на городскую площадь перед знаменитой на всю Европу колокольней Ульмглокентурм. (Газетная фотография: толпа экскурсантов и просто зевак пялится на толстого голозадого мужика, как на новую городскую достопримечательность, а на заднем плане виден приближающийся полицейский.)

Новозеландский гейзер Ваймангу, вроде бы давно разрушенный вулканическим извержением, единожды и лишь на самое короткое время возобновил свою деятельность, выплывнув столб грязи на высоту в 450 метров, что точно соответствовало его же мировому рекорду, установленному аж в 1900 году. Насколько я понял, событие попало в разряд странных как раз из-за этой-то поразительной точности.

Шри-Ланка. Некий террорист-снайпер из тамильской группировки во время покушения на важного правительственного чиновника получил контузию и сломал ключицу необычайно сильной отдачей собственной винтовки. Пуля не была найдена. Чиновник не пострадал. По просочившимся в печать сведениям, полицейские эксперты остались в замешательстве по поводу причин столь мощной отдачи серийного оружия, отнюдь не «слонобая» с четырехтонной дульной энергией.

Канадский траулер «Гемма» во время промысла вблизи Ньюфаундленда встретил большой айсберг, упрямо плывущий против течения и ветра.

В здании епископальной церкви в городе Флинт, штат Мичиган, США, из разверзшейся стены якобы вышел Заратустра и проповедовал свое учение шокированным прихожанам.

В Перу видели шаровую молнию устойчиво кубической формы...

Я уже ничему не удивлялся. Я анализировал то, что уже просмотрел, включая и материалы Максютова, с тем чтобы дальше работа шла быстрее. Несколько сотен просмотренных карточек я рассортировал по кучкам:

а). Неизвестные ранее природные явления.

б). Необъяснимое изменение поведения как отдельных людей, так и целых их групп.

Также и отсутствие изменения поведения отдельных людей на общем фоне.

в). Необъяснимые исчезновения (и перемещения) людей.

г). Иное.

Затем подумал и каждую из полученных кучек разделил надвое:

1. С воздействием на человеческую психику.

2. Без оногo.

Часть карточек из разных кучек перекрывала друг друга, в особенности это касалось а) и б). А вот рухнувший мостик, не пустивший Шкрябуна в Языково, уверенно вписался в «иное». Что там деревянный мостик, да и разрезанный надвое коттедж тоже – в прошлом году в Екатеринбурге без всяких видимых причин рассыпалась недостроенная железобетонная телебашня, лишь по счастливой случайности никого не убив. Именно не рухнула, а по неясным причинам рассыпалась в мелкую пыль, погрузив полгорода в серое облако! Как же-с, помню тот скандал – проектировщики и строители только что дерьмом друг в друга не швыряли, спасаясь от суда. Пресса вовсю изгалялась насчет червя-камнееда...

Нет, все это в массе совершенно из ряда вон! Можно ловить чертей, если знать, как выглядит черт, причем знать очень подробно: иначе ориентировка на рога, копыта и хвост скорее всего приведет к поимке коровы. Но как ловить то-не-знаю-что? Подскажите мне, кто знает, и я выслушаю с предельным вниманием.

А хуже всего то, что в умах, включая сюда и умы политиков, давно укрепилось убеждение: стоит лишь дать Нацбезу карт-бланш (естественно, не спуская с него глаз, а то мало ли что), как Нацбез с блеском решит любую задачу. Он все может, он все умеет. В том числе и ловить чертей. Даже многочисленные фильмы о героях-одиночках, посрамляющих недалекие секретные службы, не в силах развеять это заблуждение.

Может быть, герои-одиночки и существуют. Я таких не видел. Кстати, провалы секретных служб часто случаются не из-за противодействия извне, а по самой природе секретных служб, по их структуре, соответствующей в общем-то узкой специализации. А результат в конечном счете один: летят погоны, а то и головы, иногда довольно светлые.

Подумал ли кто-нибудь, что Нацбез – не тот инструмент, которым следовало бы потрошить ЭТУ проблему? Надо ли копать землю, скажем, сачком для бабочек?

Но где ТОТ инструмент?

И с новой силой всколыхнулось во мне ощущение: пора уходить. Хоть в консультанты любой сомнительной фирмы, хоть товароведом в «Альков-сервис», не суть важно. Можно еще купить за бесценок дом в вымирающей деревне и а-ля Шкрябун копать в личном огороде – не исключено, что не надоест, да и Настьке полезен свежий воздух...

Вот только уйти сейчас было бы нечестно, да, пожалуй, и нельзя. Влез в секретную тему – работай. Оправдывай доверие.

* * *

Я оправдывал доверие часов до трех пополудни, потом уснул. Проснувшись, поужинал в одиночестве, отбившись от брызжащей Маши и лепечущей Настьки, и вновь продолжил оправдывать доверие, чем занимался до глубокой ночи. А наутро прибыл к Максютову с докладом.

Однако слушать меня он не стал, а сказал буквально следующее:

– Во-первых. Тема утверждена официально в качестве приоритетной. Само собой разумеется, уровень ее секретности это обстоятельство не меняет. Во-вторых. Руководитель темы – я. Нам санкционировано привлечение любых сил и средств, имеющихся в распоряжении Нацбеза, в случае если я сочту необходимым их привлечь. Все ясно?

Так я и подозревал. Карт-бланш. Иногда очень легко быть оракулом...

– Все ясно, товарищ генерал-майор, – ответил я.

– Ты мне еще каблуками щелкни. Твои армейские замашки у меня уже вот где, понял?..

Ну вот и хорошо, что понял. Вольно, Алексей. Теперь спрашивай.

– Каков код темы? – спросил я.

– «Монстр». – Максютлов поморщился. Видно было, что название утверждал не он.

– Следует ли понимать это так: предполагается, что наблюдаемые аномальности имеют общее происхождение и единую причину?

– О причинах говорить рано. А общее происхождение – да. – Он поднял на меня глаза. – Ты садись, Алеша, в ногах правды нет. Садись и слушай.

Я сел на стул бочком к столу.

– Догадываюсь, что ты мне хочешь сказать, да не скажешь. Так вот: архив Шкрябуна я просмотрел, и не часть его, как ты, а весь. Пока по диагонали, понятно... Шкрябун – умный мужик, причину понял не хуже нас, но не стал выпячивать: догадайтесь, мол, сами. Так вот, слушай внимательно и мотай на чип. Четвертого апреля прошлого года некто Иванов, любитель астрономии из Рязани, наблюдал в свой любительский телескоп покрытие одной слабой звездочки неизвестным космическим телом. Он же первым отметил отклонения в движении Ганимеда – не астероида Ганимеда, а Ганимеда – третьего спутника Юпитера. Несколько позднее из целого ряда обсерваторий поступили сообщения о несколько меньших отклонениях в движении второго галилеева спутника – Европы. Особенно примечательно то, что никаких эволюций орбит других спутников Юпитера обнаружить не удалось...

Глядя мне в глаза немигающим совиным взглядом, он говорил как по писаному, ровно и без интонаций. У меня сразу же возникло ощущение нереальности, хуже того, бредовости происходящего. Возможно, где-то глубоко внутри себя Максютлов и сам немного стеснялся. И то сказать: в какую нормальную голову могло прийти, что генерал-майор УНБ способен достаточно профессионально разговаривать о таком потустороннем для наших задач предмете, как астрономия? Как бы то ни было, он делал это куда более грамотно, чем сумел бы я, и заведомо лучше меня владел предметом – откуда мне было знать, например, что в Солнечной системе целых два Ганимеда?! А если даже и так, то что с того?

А вот что. О шалостях двух из четырех галилеевых спутников, оказывается, много писали не только специальные астрономические журналы, но и научно-популярные издания, и даже некоторые солидные газеты посвятили событию несколько строк в рубриках «Новости науки», «Открытие недели», «Взгляд в окуляр» и тому подобных, вообще редко кем читаемых, а мною и подавно. Кое-что проскальзывало и в научно-популярных телепередачах, однако все это со стороны выглядело лишь дальними отголосками бури, вроде перистых облаков в тысяче миль от «глаза» тайфуна.

Астрономы взвыли! Охотно допускаю, что, с их точки зрения, в хулиганстве спутников было что-то непристойно-оскорбительное. В самом деле, если между Землей и Юпитером или, что вернее, в самой системе Юпитера существует неизвестное космическое тело с достаточно большой массой, то почему оно не было обнаружено раньше? Почему мощная гравитация гипотетического «объекта Иванова» дала щелчка только двум спутникам, притом из числа самых крупных, нисколько не повлияв на движение остальных четырнадцати? (Ряд попыток математического моделирования, предпринятых исследователями проблемы на мощнейших компьютерах, привел к парадоксальному результату: орбиты пресловутого Объекта, объясняющей результаты гравитационного воздействия, не существует вообще. И не может существовать! Ни по Ньютону, ни даже по Эйнштейну.) Почему, наконец, направленная к Плутону «Прозерпина», пронесшаяся вблизи Юпитера примерно за месяц до скандального открытия, не зафиксировала никаких аномалий в движении спутников? Американцы божились, что выложили все без исключения собранные данные в свободный доступ...

Бешеная атака – вот как Максютов (вероятно, с чужих слов) определил то, что последовало за открытием. Крупнейшие наземные телескопы, вроде VLT, Хобби-Эберли и имени Кека, не нашли в системе Юпитера новых оптических объектов. Недавно отремонтированный, честно служащий «второй срок» старичок «Хаббл» тоже показал шиш. Вновь всплыла гипотеза микроколлапсаров. Излучение «космического монстра» искали во всех диапазонах волн, от радио до рентгеновского и гамма, пока космический инфракрасный телескоп SIRTf не ущучил «объект Иванова» там, где ему полагалось (и одновременно не полагалось) быть – на сильно вытянутой околоюпитерианской орбите.

– Средний поперечник объекта составляет около двух километров, поверхность нагрета примерно до трехсот кельвинов, интенсивность излучения сильно варьируется, что, может быть, связано с вытянутой формой и вращением. А может быть, и нет.

Максютов сделал паузу – для того, вероятно, чтобы я мог все это запомнить и осмыслить.

Я запомнил и осмыслил.

– Во-первых, температура объекта не лезет ни в какие ворота. Во-вторых, предполагается, что это космическое тело обладает странными свойствами вроде направленной гравитации... Ну что молчишь, как под наркозом? У тебя же вопросы есть, вижу, можешь задать.

Я откашлялся.

– Товарищ генерал... Откуда следует, что происшествия на Земле вообще как-то связаны с этим... монстром?

Он шлепнул передо мною несколько скрепленных канцелярской скрепкой листов.

– На, прочти предварительное заключение экспертизы.

Так быстро, как мог, я пробежал текст глазами. Этого я и ждал: наша экспертная группа затруднилась в идентификации способа, коим коттедж был подвергнут вивисекции, зато, основываясь на полном отсутствии каких бы то ни было следов оплавления, уверенно заявляла о нетепловой природе разреза. Там было еще много чего, включая исследование образцов под электронным микроскопом и даже пробы на радиоактивность – последняя оказалась ничуть не выше фоновой. Надо думать, Максютов дал задание проверить образцы по полной программе.

А вот данные о местоположении источника атаки: азимут, угол места. С учетом неточного знания времени события: склонение такое-то, прямое восхождение такое-то. Плюс-минус погрешность.

– Точка в созвездии Рыб, – пояснил Максютов, увидев, что я дочитал. – На момент атаки Юпитер вместе с «объектом Иванова» находился там.

Я промолчал, понимая, что вряд ли он ждет от меня какой-либо реплики. А ненужных междометий я и сам от себя давно не жду.

Чего только не услышишь в нашей конторе. Даже страшно подумать, как этот разговор выглядел бы, например, в армии. Начальник караула деревянным, хуже чем из репродуктора, голосом докладывает коменданту военного городка: мол, неустановленным противником отхвачена наискось половина офицерской столовой, имеют место также самовольный уход с постаментов двух гипсовых памятников, самостряс груш с баобабов и регулярный пролет ведьм и карлсонов... Нет, не представляю...

Одно хорошо: у нас не любят удивляться.

Я сидел, присохнув ягодицей к краешку стула, и отчаянно старался не показать своей тоски. Верните меня в борьбу с промшпионажем – ей-ей, в ножки поклонюсь, век бога буду молить! Согласен пахать по двадцать часов в сутки, и отпуска не надо! Ну не способен я воевать с чертовщиной, вдобавок инопланетной!..

Мечты. Манилов хренов.

– Необъяснимые чудеса по всему миру, – продолжал Максютов. – В последнее время прямо вал чудес, иногда с человеческими жертвами. Ряд указаний на неземное происхождение. Короче говоря, темой «Монстр» занимаются не только у нас, и уже налажен кое-какой обмен

информацией между спецслужбами м-м... нескольких стран. Основная, но не единственная гипотеза: чужой космический зонд, вторгшийся в Солнечную систему и проявивший, мягко выражаясь, не совсем понятный интерес к земной цивилизации. Но повторяю: есть и другие гипотезы. Не стоит заикливаться на чем-то одном, ясно, Алеша?

– Ясно, това... Анатолий Порфирьевич.

– Ты хочешь спросить: что же в такой ситуации мы можем предпринять? Отвечаю: радикально почти ничего. Тщательное изучение – безусловно. Уменьшение влияния последствий катаклизмов и аномальностей – по возможности. Не так уж много мы можем. Нам не удастся даже контроль над прессой, тем более что американцы уже разболтали о единой причине катастроф и вот-вот разболтают об Объекте. НАСА с удовольствием организует утечку – глядишь, увеличат бюджет...

Он и раньше любил крепко выразиться под горячую руку, но на этот раз загнул такое – я подумал, не ослышался ли.

– Программа «Эскалибур» – так это называется. Шесть однотипных ракет, в каждой по мегатонне тротилового эквивалента. Некие спецбоеголовки, дающие максимальный тепловой эффект при минимуме радиоактивного заражения – чтобы не сильно нарушить договор о неприменении в трех средах. – Максютов зло фыркнул. – Опрыскали скунса духами... Ты что-то хочешь спросить, Алексей?

– Да, – сознался я, еще не зная, верить ли ушам. – Наш президент осведомлен?

– А откуда, по-твоему, наш карт-бланш? Официальной информации, понятно, не было и не будет, однако американцы все-таки не решились наплевать, сделали жест. Так что я с тобой тоже разговариваю неофициально, имей в виду. Ты о президенте не думай, у него теперь выигрышная позиция в случае чего. Да и мы можем нормально работать.

– Еще одно, – сказал я. – Когда будут запущены эти ракеты?

Генерал-майор Максютов посмотрел на меня странно.

– Я что, не сказал тебе? Они уже летят.

Стало слышно, как под потолком тонко звенит мелкая муха.

– Давно? – спросил я, чувствуя себя полным идиотом.

– В феврале их подняли на орбиту под видом резервных спутников системы глобальной связи. Все шесть. Четырнадцатого марта они стартовали к Юпитеру. С интервалом в десять минут.

Вот как... Выходит, штатники занялись проблемой намного раньше нас. Когда мы наконец спохватились, они уже решили ликвидировать проблему раз и навсегда. И то сказать: космический зонд от братьев по разуму должен вести себя прилично... или никак.

– Странный пробел во времени, – заметил я. – Февраль – март...

– Ничего странного. Окончательное решение о старте мог принять только президент США. Думаю, умные головы уговорили его вывести аппараты на орбиту до принятия окончательного решения. Мера здравая: космическая техника пока еще не стопроцентно надежна, мало ли что... Ну а потом, понятно, выяснилось, что вернуть их на Землю невозможно, потому как они изначально не предназначались для возвращения. – Максютов всхотнул. – «Шаттлами» тоже не выловить: орбита низкая, времени на отлов нет. Не ронять же на Землю водородные бомбы, которые еще неизвестно где упадут. Бедняге просто ничего не оставалось, как взять на себя всю ответственность. Ну да ему не привыкать: коли можно бомбить голодных мусульман, так почему же нельзя космического монстра, верно, Алексей?

– Где они сейчас? – спросил я.

– Уже далеко за орбитой Марса. Американцы сообщили нам параметры полетной траектории, и наши теоретики о ней высокого мнения. Осталось примерно полтора месяца. Точнее, сорок семь дней.

– Так скоро?

– У этой дряни мощные разгонные блоки. Скорость после разгона до ста десяти километров в секунду. Плюс к тому – противостояние. По расчетам, встреча состоится десятого октября.

Помолчав, он добавил:

– Если только не вмешается Монстр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ветер.

Сырой и холодный, он рушился на нас с моря и все никак не мог обрушиться окончательно, ударить один раз со всей силой, сдунув с берега глыбы серого, в лишайнике, гранита, и низкорослые, всеми стихиями битые сосны, и серые развалюхи изб брошенной деревни. Казалось, еще вот-вот – и сдует, снесет в тартарары и пройдет дальше без задержки, как танковая дивизия по окопам резервистов; только крякнут жалобно гранитные скалы.

А чуть ниже ветра бесилась море – не кидалось раз за разом на сушу красивыми и грозными правильными валами, а свирепо и безостановочно грызло берег, воя от ненависти к каменной тверди; осатаневшее тысячезубое чудовище вонзало клыки в расщелины гранита, вздымая гейзеры тяжелой пены, вышвыривая на камень измочаленные ошметки бурых водорослей и клочки странных темно-красных медуз.

Дефицит красок – вот что помимо ветра угнетало здесь с первой минуты. Комки водорослей, медузы да еще гнущиеся сосны жиденько разбавляли общую гамму: от бледно-серого до свинцового. Серое небо, серый гранит, или, вернее, диабаз, но от уточнения названия не менее серый. И взбесившийся свинец моря.

Какое оно, к дьяволу, Белое!

Серые остатки деревни таращились нам в спины проемами окон. Здесь, наверно, и жизнь извечно была серая, столетиями цеплялась за серые камни, рождалась под серым небом и упокоивалась на погосте под посеревшими от дождей крестами, пока однажды не сдалась и тогда, сникнув, начала тихо сходить на нет, все больше серея и чем дальше, тем больше тоскуя по краскам, охотно находя их в многоцветной палитре этикеток водочных изделий.

Впрочем, возможно, я не прав.

Наверно, здесь серо только осенью, пока не лег толстый снег и море не сковано. А весной и тем более летом что-нибудь обязательно цветет в низинках за этими скалами – ведь должно же здесь цвести что-нибудь! Хотя бы иван-чай.

Соленая морось била в лицо, пропитывала пуховку. Дождь не шел – это ветер срывал пену с зубов свинцового чудовища, мельчил в пыль и гнал над водой мокрые оплеухи. Остров Бережной был едва виден, проступал впереди размытым темным пятном. Некрупный скальный остров, каких здесь пропасть, довольно высокий, ершащийся лесом и, если верить карте-двухсотке, снабженный рыбацкой избушкой на западном берегу.

То-то и оно, что на западном!

Наша группа также не блещет красками – кроме меня, облаченного в зимнюю оранжевую пуховку спасателя из МЧС, не кричащего даже, а орущего на весь белый свет колера. Есть у меня подозрение, что она должна флуоресцировать в темноте, облегчая поиски, если случится нечто серьезное. Не ахти какое утешение, но другого все равно нет.

Название нашей группы странным образом соответствует месту и сезону – «Шторм».

Фразы отрывисты – никому неохота забивать гортань водяной пылью.

– Сколько у нас светлого времени?

Синхронный взгляд на часы. У сопровождающих нет чипов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.